

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**МОЛОДОЕ ВЕСЕЛОЕ
ИСКУССТВО ЭСТРАДЫ**

Спрашивала любовь

— Чем ты, как солнце, полна, голова!	— Вновь обнимаю тебя.
— Мыслям о тебе.	— Грудь, обращаешь ты что в облака!
— Губы, какие вам любви слова!	— Вдохни твою, Любовь!
— Вспыхиваешь тобой.	— Сердце, что гордо несешь свозь века!
— Очн, чем вы очарованы так!	— Раны твои, Любовь.
— Лицом твоим, Любовью!	— Жизнь, кто разжег тебя в мире,
— Кровь, чей несешь ты потаенный знак!	— кто ответи!
— Страсти твоих рабов!	— Кто, как не ты, Любовь!
— Уши, что слыше вам доброй молвы!	— Кто разжигает тебя будет и апрель!
— Исповеди твою.	— Кто, как не ты, Любовь!
— Руки, что делать желаете вы!	

Бедная овечка

Ты безгрешна до того,
Что почти святою стала,
Не загляла ниного,
Ниного не забодала.

Трижды в год тебя стригут
До последнего колена.
И однажды в пять минут
Шкуру начисто сдерут.
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Человек родился:
пер! и
И выеаешь ты шамшурку.
Человек покинул мир —
И осталась ты без шкурки.

Настежь дверь пред кунаком,
И дожили жаром печна.
Устус смеаши с часноном,
И запало шамшлемом...
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Грудой тонкого руна
Ты дрожишь в извечном страхе
И в любые времена
Дарнись мужеству палахи.

Похудеть готов бурдюк,
Чтоб вино лилось, как речка.
А тебе опять каюс:
Слишком ламом твой курдюк,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Ты невнина и вротна,
И постому не сдурю
Для злодейств во все века
Волк в твою ридитс шкурку.

Слова истинного лад
Не сотрется, как несече.
И порою всю жизнь подрад
Про ного-то говорит:
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Не найти в тебе изьяна

Убеждаюсь в том вочью:
Вся такого ты чевана,
Что в тебе ни дела, ни вочью
Не могу найти изьяна.

От слепой молвы бродячей
Нет у женщины тавизьяна.
Но кланусь дуаюо зречей:
Не найти в тебе изьяна.

Пусть любовь сичает кто-то
Наваиденема шавганя.
Что ж! Тонка его работа,
Если нет в тебе изьяна.

От любви с уна мы скорди,
И порою не слыши рано

В жизни женщину находим,
У которой нет изьяна.

Говорю: твой ник подoben
Золотым стихам корана,
А влюбленный ни способен
Видеть в женщине изьяна.

У меня была повадн,
Как у ловчего сапсана.
Не забег я недостатн,
Но забегта ты изьяна.

И не выйдешь ты из моды,
Как задранный звон стана.
Став я сьд, проходит годя,
А в тебе — все нет изьяна.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Анатолий ЖИГУЛИН

Трещит горящая береста.
Звенит вдали бензопила.
И камнеа: все в жизни престо,
И нет ни горячи, ни зля.

Нет ни заботы, ни помехи,
И на душе так хорошо.
Как на осенней лесосеке —
Просторно, чисто и свежо.

А если ствол упавший хрустнет,
То это все не страшно мне:
Должна же быть хоть капля
грусти

В прозрачной этой тишине!

Ведь рядом с тихою печалью
О том, что жизнь врана лоя,
Торжественней, необычайней
Земная радость бытия.

ЖИГУЛИН

Весна
зимой

Капель, капель
Звенят в явнаре,
И плещи запели
На зимней заре.
На раме оконной,
Поверия в апрель,
От одури сонной
Опомнисьшь шмель.
Жужжит баббало,
Тяжелый от сна.
Хорошее дело —
Зимнее весна!
О солнце тоскую,
Устав от зимы,
Ошибку такую
Приветствую ям.
Помедли немножко,
Январский апрель!..
Трет ножку о ножку
И крутитшь шмель.

И над ошибаться
Порую дано:
Сегодня мне двадцать,
И кровь, как вино,
В нем бродит несладко
Разбухший шмель.
Хорошее дело —
Зимнее апрель!

Не бывает любви несчастливой,
Не бывает... Не бойтесь понасть
В элицистр свержмоющего взрыва,
Что зовут «безнадежная страсть».
Если в душу врывается плямя,
Смывается душа в огке,
И за это сухими губам
«Благодарствуй!» — шепните
весно...

Пусть больно,
Пусть очень больно —
И все же
Круши, крошки:
Стучит молоток
отбойной
В запутанных шахтах
Души.
Стучит он
И днем и ночью —
Хакает
Тревог и бед.
Проверки идет
На прочность,
Конца той проверке
Нет.
И что же здесь скажешь,
Кроме
Того,
Что творю весь век! —
Надежний всего
В человеке
Обязан быть
Человек...

Закрутила меня,
Завертела Москва,
Отступила куда-то
Леса снежная,
И не слышно и опять
Я ивишу на бегу
И с друзьями опять
Посидеть не могу.
И опять это страшное
слово
«Потом»...
Я, и вправду, да слез
Сомалею о том,
Что сама обрываю
За нитку иить,
То теряю,
Чего невозможно
купить.
Очень больно понять,
Что из друзей ушло
Согревавшее в холод
И слышать
и слышать
Тепло...

Фиапки

Богг имеют хобби.
Быи подкатил к Европе.
Пару верных спусти
Голубь родил Христа.
Кто же сейчас в утробе!

Молится Фишер Бобби,
Вертинские ажуку [обе].
У Диноконого улыбка портнишки,
Что бы булави но рту сжимать.
Любитель глосиди н флосис
в Маддене свет поллоубус.
Ничий любет сберкинни
коллекционировать!
Мирво — как песчинки в Гобии
Как ни крути умишком
мы видна лишь божьи хобби,
нам Главного не познать.

Богг имеют слабости.
Славный хочет бесславности.
Бесславный плочотет: «Ой бы,
мне бы такое хобби!»
Но не ломайте копий,
отдайте тому, кто копил.

Богг желают кесарев,
кесарю нужно боггово.
Бунтарь в министерском кресле,
а Пала зубрит Мобовова.
А вера в руках у бойкого.
Богг имеют баки —
висит на башке пуская,
как ручка под верхним баком,
воду чтобы спускать.
Но дергайте их, однако,
Но что-то ведь есть в основе!
Зачем в золотом озисбе

Как поэт, не дожидая до первого сборника,
Как мальчишка, еще не вышедший в люди,
Он любил повторять: «Полобите нас черныжками,
Потому что беляньими всякий полюбит».
Поседевший в дороггах, как древние были,
Пронеся свою юность сквозь все понедельники,
Он сказал ей, смеясь: «А какими мы были —
Все забыли.
Ну, что ж, полюбите нас беляньими».

Среди забот, надежд и тревог
Каждая душа — островок.
До одной можно рукой достать.
К другой только на лодке пристать.
К третьей путь давлен,
К третьей путь не прост —
Надо строить долгий высокый мост.

Как мне завоевать права
На вращающуюся, опущенную мосты,
Песней связывая острова,
С добрым берегом быть на ты!

инсплосаное в высот
женскую хобби
женскую душу жмет!
[Не проче же рондатель в колбел!
Зачем, чтобы: Сбыть колбеле
спичечные манюволи!]

У Бога ответов много,
но главный: «Идите к богу!»...

...Богг имеют хобби —
Уставив имри вращать
с лейкой, в садиков рофе
фианки вырывать!

А фианки имеют хобби
вырывать в людях грусть.
Мужинни стыдятся скорби,
потому отлучусь.

«Зачем за расплы, дада!»
«Чтоб в прятки водить, дитя».
Люблю свазов ладонь —
подглядывать
в дырочку от гвоздзя.

Мы нарушили Божий Завет. Б. А.
Яблоко съели.
У поэта напарника нет,
все душни кончались дузьмо.

Мы нарушили кодекс людской —
быть взаимной любиминой.
Наш совок осужден милозой
хуже кровосмешенья.

Лев ОШАНИН

Цунами

Наше счастье — в нашем неведении.
Это не стыдно и в сорок лет.
Даже в самой Большой Энциклопедии
Этого слова нет.

Если вы не знаете слова «цунами» —
Дай бог не дождать его сунамем.
А здесь узнают его пацаньям,
Оно, как дымщик, понятно всем.
Оно от марта до февраля
Момент вдруг подняться в рост великана,
Когда раскальвается земля
На дне Тихого океана,
Сам над судьбой своей не волнуя —
Ветер был или ветер не был...
Цунам — это просто волна,
Цунам — это просто стена
В двадцать два этажа от моря до неба.
Врываешь на берег, что ей незнаком,
Не кабулянки, не куланыам —
Просто сжимаеть взаимом.
Дерево, железо и камень.
Это быт. И полсотни парней весельи,
Полугулы, обветренные, непулыги и властных,
От берега в гору

переносит песолок,
Потому что здесь «цунамипоснок».

Бордия БЕРИШВИЛИ

Дыхание Шота

Где б я ни стан пазать и севть
Нин и дивит исчерать зимы,
Везде над сердцем будещ рвать
Ты, пламенный грузинский стх!

Какая скажет мне вершина,
Кто свозь тернистые года
Грузинской музы авлестина
Привел тернистемено соде!

Какой ответит мне проваец,
Откуда, вечанный мечом,
Здесь появился гордый витязь
С тигриной шкурой за плечом!

Вонистанные бабы были
За грань высокого шреба,
И, мелеет, как Гурдзяманьям,
Позищен летлыми Шотал!

И говорит одна примаца,
Что гор и неба посреда

Нарушительница родилась
с белым голосом в темное время.
Даже если Земля наша — грязь,
родство твою — ей испуление.

Быль мой стих, как фундамент, тжмет,
чтобы ты невосемела в звуке.
Я красивешую из жен
подарил тебе утром в подруги.

Я бросал тебе в ноги Пария,
августешкий обгорыш, солома!
Мы казались, что жизнь — это лишь
печень слик заплюнки.

И лобада был весела.
И достигнет нас кара едва ли.
А расплата произошла —
мы с тобою себе потеряли.

Ошибся в этой жизни долта,
улыбнусь: я иной и не знамду.
Мне единственная мила,
где с тобою мы спели однажды.

Женщина
в августе

Присела к зерну ольга,
в себе, как в роце звоночковой,
все не решаешь признать
красы чужой и незнаковой.
В тоску заметной седины,
Так в ясный день в лесу по-летнему
листва зеленая видна,
а в хмурый — медная заметнее.

Цунами

Наше счастье — в нашем неведении.
Это не стыдно и в сорок лет.
Даже в самой Большой Энциклопедии
Этого слова нет.
Если вы не знаете слова «цунами» —
Дай бог не дождать его сунамем.
А здесь узнают его пацаньям,
Оно, как дымщик, понятно всем.
Оно от марта до февраля
Момент вдруг подняться в рост великана,
Когда раскальвается земля
На дне Тихого океана,
Сам над судьбой своей не волнуя —
Ветер был или ветер не был...
Цунам — это просто волна,
Цунам — это просто стена
В двадцать два этажа от моря до неба.
Врываешь на берег, что ей незнаком,
Не кабулянки, не куланыам —
Просто сжимаеть взаимом.
Дерево, железо и камень.
Это быт. И полсотни парней весельи,
Полугулы, обветренные, непулыги и властных,
От берега в гору
переносит песолок,
Потому что здесь «цунамипоснок».

Укрыли первого поэта
Аулы дымные в грядк.

Когда не так,

то в самом деле,
Кто скажет, как Вагиф постит
Стихи — творение Руставели
И вольной Грузии язык!

И мы одно поняли я нмне:
Ждет наши поиски тщета,
Когда мы ищем в Палестине
Могилу инокша Шота.

Созвучны, как слова редица,
Музуа струны всякого гда,
Где в сердце чибана Вагифа
Поэт той, Грузия, живет.

Перевел с грузинского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 [1070]
ДЕКАБРЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА: «Княжичи» — так называется этот номер в исполнении артистов Ленинградского государственного музыкального театра в новой программе «Миллион новобрачных».

Фото Мирослава МУРАЗОВА

ФОТОРЕПОРТАЖ «МЕСТО ДЛЯ МОДИ-ХОЛЛА». СМОТРИТЕ НА 16 — 17 И 20 — 21 И СТРАНИЦАХ.

2

СТАКАН АММИАКА.
Репортаж со строительства Черкасского химкомбината.

4

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ: МИЛИТАРИЗМ.

12

ОГНЕННЫЕ МИНУТЫ.
Репортаж об экспериментальном пожаре.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ПАМЯТЬ НЕ ГАСНЕТ.
У МОНУМЕНТА СЛАВЫ ВОИНАМ-СИБИРЯКАМ**

**50 ЛЕТ СССР. КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ТЫ САМАЯ ЛЮБИМАЯ...**

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ. ЧЕСТЬ ИМЕНИ

СИНИЕ ЛЮДИ. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Емисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихачев (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромдзественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стучок (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевкин.

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

«Важнейшая задача комсомола — совместно с профсоюзами вовлечь в соревнование, движение за коммунистические отношения к труду широкие массы молодежи, и прежде всего комсомольцев...»

[Из постановления ЦК КПСС «О дальнейших улучшениях организации социалистического соревнования».]

Анатолий БАРАНОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)

ен бетон. Час, второй, третий. Скоро восемь часов — водрузь — непрерывным потоком. Кто знает, что сложное: поставить опалубку или забетонировать! Над опалубкой и арматурой бизнес почти месяц — фундамент для мощной коллатораторной сложной; сотни заставок, пробок, кровшегоянов. Точность почти микронная.

Геодезист тщательно осмотрел опалубку, померил ее и свои прибором, промерил по осям и показал бригадиром большой палец.

Василий Заболотный разбил свою бригаду по сменам. По его расчетам, на бетонирование нужно было затратить семь-восемь смен. Закончились вольные сутки, один из другой подождали машины, захватились вибратором, промерили, заглянули строителю неосторожно белым светом. Заболотный стоял наверху, давал сигналы крановщику, командовал разгрузкой машин, проверял качество работы и сам успевал взяться за толстый хобот вибратора.

Еще с вечера прораб хотел предложить в помощь бетонщикам людей

из других бригад, но Василий отказался, понадеявшись на собственные силы: «Слава богу, сами управимся». Теперь он думал, что зря так сказал. Ночью на стройке бетонного города не бывает, ночью бетона столько — успевай принимать! Машины шли густо, и линия пар рук сейчас бы не помешала. Но просить у прораба помощи поздно, — все люди уже при деле. Именно в тот момент, когда бригадир ругал себя за недальновидность, и подошла моторист с соседнего участка Наталья Колесниченко, только что закончившая свою смену, молча взяла болтушку, не по росту лопату и стала поднимать надвоящий на землю бетон.

Потом Заболотный увидел, что рядом с ней работает еще несколько человек: монтажники из бригады Володюченко. Конкуренция. Месяц над его объектом клязвенно вымолел лучшей бригады, месяц — у них. Хорошая работа. Но сейчас об этом им не мог и благодарить не стал — некогда было, шел бетон.

Под утро закончился, аресты передадут на своем фундаменте, затлупили первым сигаретам. Мол-

чалки. И Заболотный думал о тех, кто неожиданно пришел им на помощь в эту ночь. Впрочем, почему неожиданно! Монтажными работами в другом управлении, но строика-то одна.

В строительстве первой очереди Черкасского химкомбината участвовали французские специалисты. На пустыре в пяти километрах от города еще ничего не было, кроме голого поля, засыпанного снегом, похолоном на лист ваглана с едва намеченными темными линиями и квадратными будущими фундаментами.

Строить объявили Всесоюзной ударной, и на своем собраньи комсомольцы взяли обязательство сдать первый объект комбината на год раньше срока. На год! Французам, узнав об этом, повеселились: еще нигде в мире подобные объекты не возводились в такие сроки.

Юрий Володюченко, бригадир комсомольско-молодежной бригады монтажников, рассказывал мне о пари, предложенном иностранными специалистами. «Подписите нам и Новому году стволы аммиака и для вас поставим бочку бурдюжского. От пари отказались, но первую продукцию

завод действительно выдал в новогородию ночь. Многие провели эту ночь на стройке. Вместо вранливой описи на территории завода вспыхнул фанат — символ их верной победы.

— Ту ночь, как самые счастливые дни свои, не забудешь, — говорит Заболотный. А у него счастливых дней за последние годы было немало: два ордена получив, поступив в институт, был делегатом XXIV съезда КПСС.

Сейчас неважно от комбината вырос поселок химиков, с улицами, обсаженными фруктовыми деревьями. А на бывшем пустыре поднялись заводы слабой азотной кислоты, моноаммиака, аммиака, азотных удобрений. Уже вступили в строй два очереда комбината, возмущает третья. И троплейбус останавливается рядом со строительной площадкой.

Обычно по вранью, по их диалекту определяешь путь строю, ее направление. Мы приехали в обведенный веревкой. Краем стояли, намоившие застывшие восток, и тихо было на неожиданно обмолвлившей стройке. Чуть выше кранов, на высокой

мачте развевался красный флаг, поднятый в честь лучшей бригады.

Монтажники сидели на акрильных банках вечи реформинга, которую им предстояло монтировать, сплюснуть, медлительные в своих титановых бронзовых робах. Юра выделялся среди них белоснежной рубашкой. Был он в отпуску, но не выдержал, приехав проведать бригаду.

— Беготница задоровают, никак не сдуют фундамента под печь, — поклонался Вася Ключов.

— А стоит ли ждать? Давайте собирать детали печи блоками на земле. Сколько времени сэкономим! Юра Волощенко чертил в своем блокноте стелж для робов. Варить его нужно было из труб и балки.

— Иван Ефимович, замер диаметр трубы! — Ключов прозвучал Вороне сыпучий метр. Тот оставил почтучую складку молока, аккуратно закрыл ее пробой и начал поднимать.

— Шестьдесят сантиметров. — Значит, шестьсот. Заполним, у монтажников есть только миллиметры да их доли.

Снова склонился над измерен-

ными блоками. Вдруг Иван Ефимович поднял голову: гроза!

От Днепра надвигалась черная туча, и мы, оповревая ее, пощипались к красному уголку токой до здания, а эксплуатационная цеха производства алмазной свлятки. Здесь уже хозяйничали знанки, но цех в равной степени принадлежал и строителям, еще не отыскавшим название его своим. Кстати, комитет комсомола треста «Черкассинстрой» принял решение на шедшем заводе изготовителя мемориальную доску в честь отившихся коллективов.

Заболотному придется выбирать себе лучшего завод, он наде на всех успев поработать, — ушибился Волощенко.

— Насколько я знаю, ты тоже.

— Я свой лучший завод не построил. Сначала ветер подобрал с земли обрывки старых газет, потом обрушился гром, снова разлетелся грома грома металлических листов, и загрохотали по ветку дождевые козылки на маленькие взрывы. Неожиданная гроза нагрянула над Черкассами, приимая пыль и прохлывавшимся громами поднимаясь в высоту, гроза неуверенно весну вкриним летом.

В красном уголке залопали створки окон, пахнуло озеном. Она закричала, но что-то неуловимо зомнившее осталось. Я сразу почувствовал это по настроению ребят.

— День на сборку стенда потерял, потом неделю вытравил! — Волощенко рывком с чертковой стенда энергично выбрасывал колонны цифр.

ГЕОМЕТРИЯ СТРОЙКИ.

ЮРИЙ ВОЛОЩЕНКО.

Юра начал комбинат ес нулик и вырос вместе с ним. Сейчас он член бюро обкома комсомола, был делегатом XXIV съезда Компартии Украины. Иван Куралик Куралик знает его монтажным до мозга костей, но все-таки по-прежнему опекает молодого бригадиря. Опекает старейший по профессии, потому что Волощенко, хотя и востал, монтажную премудрость у Ивана Куралика, давно дотная своего учителя.

Куралик старается помочь мне разобраться в характере Волощенко. Говорит он о своем ученике доброжелательно, даже с некоторой долей гордости: вот, мой, какви дни ребят воспитывал. Рассказывал об оркестре, который создал Юра на стройке, о его домашнем хлопотке: «Сам и пеленать постирать и сунь свлятки. И все же старый монтажник кое в чем осуждает Волощенко: «Горачится, рискует там, где не надо».

Но, был молит, за эту горячность и за любовь к риску и тягуща установка и Волощенко, просится в его бригаду.

О риске, наверное, стоит погово-

рить особо. Как бы рискованные решения ни предлагал Волощенко, они в конце концов оказывались не только оправданными, но и полезными, единственно правильными.

— У него инженерное мышление, — сказал мне прораб Виктор Протасов. Инженерное по своему большому счету.

Так что, определяя его действия, правильнее говорить не о голом риске, а о смеельи и строгом расчете, о творческом подходе к работе.

Над двумя многоэтажными «асборбам», как называют монтажники абсорбционные колонны, башенные скрапу поднимали маленькие колонны с колыдами катализаторов. Когда тоненькие, почти прозрачные, хрупкие, как фарфор, Кандже граммов двадцать, а загрузить в колонну нужно тонны. Секунду вышло не сслепше, в пыль превратится. Надо заполнять потихонечку, алетичным дозам, колонны ведь, несмотря на грома грома, не выдержат. Работы, считай, на месяц, работы скучной, монотонной. Монтажник медленно наполняет корзинку колыдами, скрапу поднимает, осторожно опускает внутрь башни. Действительно, в час по чайной ложке. Сидит, жидут возвращение жарыни, бросает колыды по сплывшим лужам, «монтажники» сипают, кто больше.

«А что, если...» — Юра вскакивает и читается в начальную управление. — За счетом можно сделать месячный план, а тогда ходу выехали он. И объяснил нам.

Начальник выслушал, заинтересовался: уж очень необычное предложение было. И сказал мне: Наверное, он был прав, но крайней мере право это ему давала строгая технология, за точное соблюдение которой он отвечал ессли на головах, то допущения точно. Нарушени, же при строительстве, и наверняка это сдается в дальнейшей на теплоэлектростанции.

— Ну, — сказал начальнику. — Нет моего согласия. И поясил: это не я тебе отказываю. Технологию — закон.

— Мы сами создаем законы. — Но все, дорогая, не все. Монтажник завалился странным делом: наполнил огромный бак водой и изю всех сил бросил туда колыды. Сначала все шло совершенно — все-таки эквивалент, но вскоре «красовилась» — брызги, шум, смех, как в детском саду. А бригадир тем временем советовался с технологическим. Они посмотрели его расчеты, проверили — и разрешили. Все было просто: колонны наполняют водой, прыш поднимали уже огромные колонны и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

Начальник управления стоял рядом, поглядывая на часы, заснеив время выкладки операции, как будто шло создание нового участка, и впринципе контеинеры и слыли колыды в воду.

КОНОСТЬ ОБЛУЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

«Необходимо координировать выступления молодежи за разоружение, за запрещение ядерного оружия и использование атомной энергии в мирных целях, за ликвидацию иностранных военных баз на чужих территориях, против военных провокаций, пропаганды войны и милитаризма, за дружбу между народами и молодежи».

[Из программного заявления ВФДМ, принятого Восмой юбилейной ассамблеей федерации в ноябре 1970 года.]

В XX веке военизму уже не изображают в виде отпрыска Юпитера и Юноны, занатанного в проржавевшие от времени латы. В XX веке, когда империализм сначала пустил в ход дальнобойные орудия и дредноуты, затем — танки, самолеты и подводные лодки, а теперь держит руку на пульсе ядерно-ракетных устройств, долготопиому Богу войны Марсу нечего делать своим игрушечным мечом: за тысячу лет от него погибло меньше людей, чем от пушек Круппа за две мировых войны.

Политические формулы нередко припопнейшеи и потоку плакатов. Кто такой милитарист? Американский генерал-кастроб, требующий не оставлять камня на камне от непокорного Вьетнама! Да, он Долгит бундестага, заявляющий на встрече «рыцарей железного креста», что он никогда не смирится с утратой «восточных земель!» Да, и он тоже. Греческий «черный полковник!» Британский торг, толпушник! Олстер! Правительство-арконтета из Сайгона! Да, и тот, и другой, и третий.

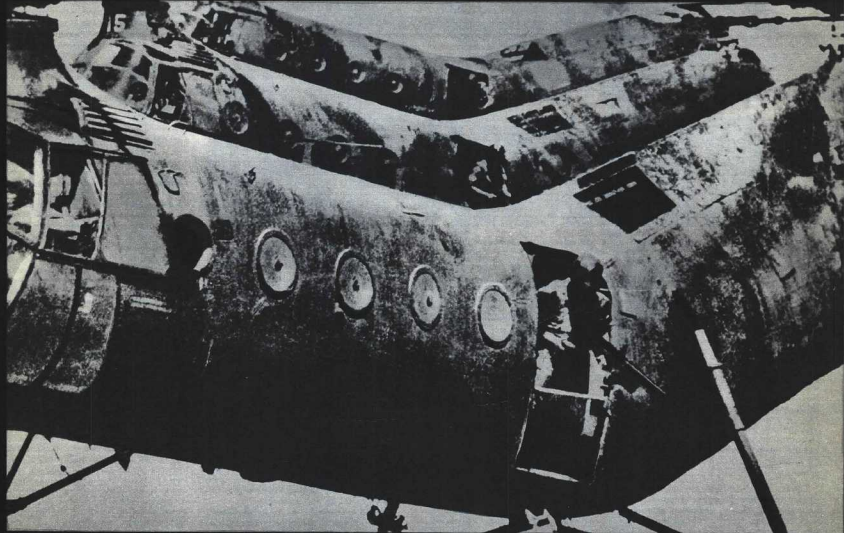
«Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»... Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезю во Франции, Конериль в Бельгии, а сколько их во всех цивилизованных странах! А ведь тем поставщиной! Вот Кому Выгодно раздувание

шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее! Это из ленинской статьи, которая так и называлась «Кому выгодно!» и которая была опубликована в «Правде» в апреле 1913 года, почти за полтора года до начала мировой войны во имя дивидендов Армстронга, Круппа, Крезю и других.

Такой вопрос столь же первоочереден и в наши дни. Кому выгодно держать мир на бочке с порохом! Кому выгодно пропаганда «сдерживания коммунизма»? Кому выгодно войны, большие и малые, и прежде всего вьетнамские!

Ответ последует незамедлительно. «Мы рассчитываем, что в 1975 году сможем ежедневно добывать из этих источников [Юго-Восточная Азия и Дальний Восток] по 400 миллионов баррелов нефти», сообщил в марте этого года Дэвид Рокфеллер, президент «Чез-Мангзтен банка», финансирующий почти всю американскую нефтяную разведку. «Мы остаемся во Вьетнаме во что бы то ни стало!» — подхватил министр обороны США Лэйрд. «Американские монополии никогда еще не вкладывали деньги в какой-либо район земного шара, не получив предварительного от Вашингтона гарантии в том, что эти значительные инвестиции в конечном итоге окупаются собой», — поставил точку американский историк профессор Тэбриэл Кококо.

В свое время некоторые его коллеги высказывали предположение, что германские милитаристы

БУМРАНГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА — АМЕРИКАНСКИЕ РЕАКТИВНЫЕ ВЕРТОЛЕТЫ «Н 21», ОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОСЛЕ СЕБЯ ВО ВЬЕТНАМЕ БЕЗЖИЗНЕННЫЙ ЛЭННЫЙ ЛАНДШАФТ.

одержими неким общим психозом, манией массового преследования, что эти качества методично прививаются в немецких военных академиях. В тридцатые годы либерализм Америки смотрит через океан на коринфяков, Теракино и Италию, прислушивалась к барабанному бою и благодусию успокаивала себя: у нас такого быть не может. Оказалось, может. Оказалось, что нацизм дает эскады и на африканской земле (хотя и не там же бушине, как в империях Гитлера и Муссолини), оказалось, что по части милитаристского пикорадки американские ультра не уступят фашистским штурмовикам.

Разумеется, милитаризм — характеристика не национальная, а классовая. Анджелу Дэвис американская военщина ненавидит так же люто, как и бойцов Сопротивления в Южном Вьетнаме. Но в определенное порода та или иная империалистическая держава пытается играть роль мирового мандарина или мирового фельдфебеля, и тогда вся ее общественная жизнь отравляется милитаристским угаром.

На Западе есть политические дегены, которые уверяют, что людям следует «научиться жить с атомной бомбой». Это, по существу, оправдание милитаризма, который уже научился жить с бомбой и стремится убивать с ее помощью.

На процессе, который молодость мира ведет против этого преступника, ему нет и не может быть оправдания.

Хаймэн ЛЮМЕР,
американский публицист

МАГНАТЫ В ПОГОНАХ

Свою последнюю президентскую речь Дуайт Эйзенхауэр закончил так: «Мы должны остерегаться того непомерного влияния, которое приобрел военно-промышленный комплекс». Примечательно, что именно президент США, носивший чин генерала, ввел в наш обиход этот термин — «военно-промышленный комплекс» — и указал на опасность, которую несет с собой могущественная группировка финансовых и промышленных магнатов в армейских погонах.

В наши дни Америка уже не говорит, а кричит об этой опасности. Сегодняшняя Америка — самая милитаризованная страна в мире. Это факт, который подтверждается множеством социальных и экономических исследований. Я процитирую лишь одну из этих книг — «Экономика смерти» Ричарда Дж. Беннета:

«...Ежегодно федеральное правительство тратит более 70 центов из каждого бюджетного доллара на войны, которые уже объявлены или еще готовятся. На военную машину американский народ платит больше денег, чем все власти, центральные и местные, расходуют на больницы и школы, на пенсии по старости и инвалидности, на помощь безработным и социальное обеспечение, на жилищное строительство и городское планирование, а также на развитие сельского хозяйства...»

В итоге милитаристские ассигнования в Соединенных Штатах превышают половину всех военных расходов в мире, военные производятся в этой стране составляют девять процентов общего национального продукта.

Что означают конкретно названные цифры! То, что 3,5 миллиона американцев носят военную униформу, а еще 1,6 миллиона состоят в ре-

ТА РАЗИМ

МИЛИТАРИЗМ НЕ ТОЛЬКО ВСЕ БОЛЕЕ ИЗОЩРЕННЫЕ ОРУДИЯ УБИЙСТВА, МИЛИТАРИЗМ — ЭТО ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЗВЕРЯ, ЖИВАЯ СКУЛЬПТУРА: ТАК ГОТОВЯТСЯ К ВОЙНЕ АМЕРИКАНСКИЕ «ЗЕЛЕННЫЕ БЕРЕГА».

зарев или облучены в форму национальных гвардейцев, которая так быстро ретировалась посылкой на подавление забастовщиков и демонстрантов.

То, что более 1,5 миллиона американских солдат находится за границей, на 42% больше, чем в 1972, — миллионы военных баз.

То, что военно-промышленный комплекс контролирует сферу национальной экономики, которую эксперты оценивают в двести миллиардов долларов.

Этот чудовищный аппарат, свидетельствующий с одной стороны, о стремлении империализма США к мировой господству и, с другой, о быстром росте государственного аппарата — монополия этой суммы была исторгнута на прямое производство оружия.

Ежегодно Пентагон подписывает контракты с 22 тысячами крупных подрядчиков, которые, в свою очередь, открывают на помощь 400 тысяч более мелких фирм. Однако лишьная доля контрактов предоставляется сравнительно небольшой группе компаний: авиационным, ракетным, электронным. Так, в 1969 году две трети заказов Пентагона были размещены среди ста его главнейших партнеров. Это прежде всего «Дженерал дайнемикс», «Локхид эйркрафт» и «Юнайтед эйркрафт», а также промышленные гиганты «Дженерал электрик», «Американ телефон энд телеграф компания», «Дженерал моторс».

Названия шефств — самые доверенные партнеры Пентагона. Между ними существует договоренность, неизменяемая вращающееся деяние. Это означает, что представители монополий занимают крупные посты в министерствах обороны, а в свою очередь, выходящие на пенсию генералы и капитаны военные чиновники получают высокие должности в концернах. Так заместителем военного министра Дэйвида Паркара был в свое время директор «Дженерал дайнемикс», а сейчас держит трест этих фирм «Хьюлетт-Паккард компания, которой Пентагон постоянно предоставляет заказы на миллионы долларов. Заместителем военного министра в 1961—1964 гг. Роланд Галпатрин руководил в «Дженерал дайнемикс», защищая интересы «Дженерал дайнемикс», Фред Корс, занимавший пост военно-морского министра в 1962 году — директор концерна «Белл корпорация» (производитель радиоприемников, радиостанций, ракетных двигателей и т.д.), а также главный инженер бункера, предоставляющего кредиты все той же «Дженерал дайнемикс». В другом направлении двигались, например, заместителем военного министра Томас Моуэт, получивший руководящую должность в тресте «Литтон индустриэ», опытный и крупного заказчика Пентагона. Короче, «вращающиеся двери» ни минуты не находятся в неподвижном положении. По сведениям сенатора Уильяма Проксайра, только до февраля 1969 года 1214 ответственных чиновника военного министерства получили назначения на высокие посты в более чем ста концернах.

Нельзя, однако, представлять военно-промышленный комплекс в Соединенных Штатах как некую независимую, всемогущую силу. Такой всемогущей силой в нашей стране является финансовый капитал. Именно поэтому далеко не всегда возможно провести раздельную черту между фирмами, производящими военные материалы, и фирмами, которые снабжают товаром население. В большинстве своем концерны занимаются и тем и другим. Если, скажем, в прошлом году 84 процента всего производства в концернах «Дженерал дайнемикс» и «Локхид эйркрафт» составила военная продукция, то у «Дженерал электрик», занимающей третье место по насыщенности военными заказами, эта доля составляла 18 процентов.

Все это доказывает то, что финансовый капитал в Соединенных Штатах с помощью военных контролирует всю индустрию, в частности, и военную. Военно-промышленный комплекс — это особый мощный аппарат, стоящий на службе государственно-монополистического империализма США и претворяющий в жизнь его агрессивные стремления.

В империю, управляемую финансовыми магнатами, царит свое законодательство, вернее — полное беззаконие. Здесь минутируют миллиарды фирм и долларов, значительная часть которых никак не учитывается правительственными органами. Уже упомянувшийся сенатор Уильям Проксайр, возглавлявший некоторое время тому назад Сенатскую комиссию по борьбе с коррупцией в государственном аппарате, сообщает в своей книге «Доход из пустыни» следующие факты: 90 процентов всех военных поставок осуществляется путем контрактов с постоянными подря-

чиками, диктующими свои цены, в результате чего стоимость производства повышается минимум на 25 процентов;

пентагонские партнеры никогда не укладываются в договорные суммы, однако неустойки всегда выплачиваются из государственных фондов (к примеру, транспортный самолет «С-5А», выпущенный фирмой «Локхид эйркрафт», обошелся в 5,33 миллиарда долларов вместо предусмотренных 3,37 миллиарда);

Исно, что все эти махинации совершаются для того, чтобы еще больше возросли прибыли военно-промышленных концернов. Добавлю, что их доходы и без того на 70 процентов превышают прибыли, получаемые фирмами, которые не имеют военных заказов. Скажем, барыши «Юрт Америкен авиэиж компания» с помощью правитель-

ственных подокон возросли за два минувших года соответственно на 612 и 802 процента.

Исно и то, что государство покрывает все эти гигантские издержки вовсе не из собственного кармана. Если в 1929 году доля налогов составила 13 процентов общего национального дохода, то сегодня — уже 40. Разумеется, больше всего страдает от финансового пресса рабочий класс: в 1941 году рабочие выплачивали 45 процентов всей налоговой суммы на трудящихся, в наши дни их доля равна 68.

Ситуация представляет собою классический закондовый кризис. Военная индустрия растет, однако власти бессмысленно дуют помпу, что даже в случае окончания войны в Империате сиюминутные средства будут брошены на производство нового оружия.

ОНИ ЗАСТАВЛЯЮТ ВЬЕТНАМСКИХ ПАТРИОТОВ ПОДНЯТЬ РУКИ ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ, ЛИШЬ СТАВ КАЛЕКИМ, ПОНИЛ БЕССМЫСЛЕННОСТЬ И ЖЕСТОКОСТЬ ВОЙНЫ, В КОТОРОЙ УЧАСТВОВАЛИ, И ТЕПЕРЬ САМИ ГНЬВНО ПОДНИМАЮТ КУЛАКИ ПЕРЕД КАПИТОЛИЕМ.

Андрей СОЛОВЬЕВ

БЕРЕТЫ ПО МЕРКЕ СКОРЕНИ

3еленый фетр для них кроил братъ Дэллэс: Джон Фостер в качестве государственного секретаря Соединенных Штатов провозгласил политику «обескарывания коммунизма» и «балансирования на грани войны», а шеф ЦРУ Аллен в осуществлении этой стратегии создал в 1952 году так называемые «Специал форс» — «Специальные войска», отличительным знаком которых стали зеленые береты. Этот голубой убор был украшен знаком, который еще в XVIII веке носили в Новой Англии «рейнджеры Родригас» — каратели, поголовно истреблявшие индейцев, борющихся за независимость.

Задача «зеленых беретов» была четко сформулирована в специаль-

ном приказе президента США Гарри Трумана: «Организовать, обучать, управлять и снабжать всеми необходимыми средствами в зарубежных странах для ведения партизанской войны, затруднения деятельности и свершения правительств, враждебных Соединенным Штатам». Вот почему уже в первых подразделениях, сформированных без малого двадцать лет назад по свидетельству американского журнала «Арма дайджест», было много солдат из числа лиц, убежавших от коммунистов в Восточной Европе. Знание ими языка и местности в своих странах представляло для нас огром-

ную ценность. Итан, став на преддверие, которые воевали за собой, также на любительской приключений, которым предлагалось вступить в партизанские отряды, воевать на Кубе, где в 1961 году «зеленые береты» вместе с бывшими эмигрантами пытались высадиться в долине Плайя Хиро, в Чехословакии, когда летом 1968 года они переправились для несогласованной помощи антикоммунистическим подпольем. Они совершали в Венесуэле и Доминиканской Республике, в Панаме и Таиланде, на Филиппинах и в Африке.

Но главный их погоним за последние десять лет — это Индонезия. В 1961 году в Сайгон «для организации борьбы с партизанскими прибывающими первая сотня зеленых беретов. Через год число их выросло в тридцать раз, а всего за аналогичное время «вспомогательные» во Вьетнаме проšlo более десяти тысяч специалистов тайной войны.

Сейчас эти войска сведены в 16 групп, которые предназначены для действий в строго определенных районах мира. Из семи кадровых групп, находящихся в постоянной боевой готовности, четыре размещены за пределами США: 1-я — на япон-

ском острове Окинава для боевых операций на Дальнем Востоке; 3-я (3 000 человек) — в Южном Вьетнаме для действий в Индонезии; 8-я (800 человек) — в зоне Панамского канала со свободой действия в Латинской Америке; 12-я (1 200 человек) — в Багдаде, она нацелена против социалистических стран Европы. Три группы общей численностью в 3 000 человек находятся в Европе: 7-я группа Форт-Бригге [две — для операций на африканском континенте, третья, мобильный резерв — для переброски в любой другой район земного шара]. Особым сегодня состав войск специального назначения и кодовая программа их обучения!

«Двенадцатитрутовая бронзовая фигура солдата, в правой руке которого винтовка M-16, символизирующая готовность защищать свободу; левая рука протянута для дружеского пожатия, что свидетельствует о желанности солдата в любой момент прийти на помощь, дать добрый совет...» — восторги американского журнала «Арма дайджест» по поводу монумента на главной улице Форт-Бригге стоят вне бесконечных, как и колочная проволочка, мучительных муз Уолтера Фрийдрихера. Впрочем, мной раз реклама на футболку уступает место откровенным выражениям, и тогда можно услышать такое: «В война с коммунизмом нам нужна не правда, а поддельная деятельность. В этой войне нам потребуются все голуборезы и гангстеры, которых мы сможем завуалировать тем или иным способом. Генерал Уильям Диксон, сделавший это заявление, еще менее сентиментален, чем в свое время президент Труман.

Согласно этой установке, новобранцев, примерившего зеленый берет, прежде всего обрабатывают идеологически, вытравляя из его головы все, кроме патологической ненависти к «коммунистам — коммунистам. Потом в него за полгода вбивается на 40 тысяч долларов диверсионная тактика, и главное — его учат убивать. Убивать из новейших снайперских винтовок и бесшумных пистолетов, минами и джонковыми булавками, топором и ножом, камнем и палкой, куском проволоки, осколком стекла и просто голыми руками. Всего в арсенале, как сообщает американская пресса, 32 способа убийств.

Группы скажут, сколько способов пыток осваивают «береты» за время обучения. Вот один из них, описанный журналом «Ньюстиук»: «Легендарити допрашивали уже много часов. Он, сгорбившись, сидел на стуле и ничего не видел вокруг: три мощных прожектора, установленные в трех футах от него, слепили глаза, освещали его, выжигали губы и глаза лица, покрывали потом. Его тело дергали конвульсиями: как указательный палец был обмотан тонкой оголенной проволокой, через которую

шел промишлявший все тело электрический ток. Роль допрашиваемого исполняли сами воспитанники школы...»

В дополнение к этим «семинарам» солдат заставляют слушать магнитофонные записи, сделанные во время жестоких допросов в лагере Форт-Бригге. За малейшую провинность их мортят голодом и жаждой, закидывают в сожугонн попомини в узкий ящик, формируют раз в сутки два часа, в лесских Техаса и тропических болотах близ Мексиканского залива. Короче, заговорив одного из романов писателя-романиста Яна Флоренция — «Менем сам и дай умереть другому» — вполне подходит к этой теме.

Десятка кадровая группа «зеленых беретов» размещается, как уже говорилось, в Западной Германии, в лагере Бад-Тельд. В 1969 году получил широкую огласку секретный американский план под кодовым названием «19-1», по которому в 23 странах Европы НАТО и ЦРУ были определены более ста оперативных районов для боевого применения диверсантов из Бад-Тельда. 20 тактических районов были альянсовыми, в соответствии с Союзом, 8 — Польше, по 6 — в ГДР, Чехословакию, Румынию и т. д. «В начале войны», — писал о плане «19-1» журналист Фредерик Чейс, «спешившие должны быть выброшены на парашютах в заранее намеченные районы Восточной Европы. Они будут вооружены ракетками и автоматическими пулеметами и булавками, взрывчаткой и радиопередатчиками. И если все пойдет по плану, то в воздухе взлетят мосты, поезды начнут стодить с рельсов, армейские обозы подвергнутся ударам из засады. В еще более засекреченных приложениях к плану предусмотрено использование «зеленых беретов» портативными атомными устройствами, химическими и биологическими орудиями. Проникание в социалистические страны диверсантов должно осуществляться с помощью из предателей, угловников — прочими, враждебно настроенных к коммунистическому режиму, развернуть саботаж, террор, грабежи, массовые беспорядки. Генеральное, что и в других странах Европы названный тайный план поручает «зеленым беретам» подвигать любые движения, угрожающие стратегическим интересам Соединенных Штатов, а при необходимости — устранить военное командование и правительство.

По-прежнему грозят выстрелы, гудят вертолеты, колят уставщики учебные допросы за неприступными отрядами Форт-Бригге, Бад-Тельда и других опорных пунктов «семинальных» войск. Генеральное, что и в других странах Европы названный тайный план поручает «зеленым беретам» подвигать любые движения, угрожающие стратегическим интересам Соединенных Штатов, а при необходимости — устранить военное командование и правительство.

ную ценность. Итан, став на преддверие, которые воевали за собой, также на любительской приключений, которым предлагалось вступить в партизанские отряды, воевать на Кубе, где в 1961 году «зеленые береты» вместе с бывшими эмигрантами пытались высадиться в долине Плайя Хиро, в Чехословакии, когда летом 1968 года они переправились для несогласованной помощи антикоммунистическим подпольем. Они совершали в Венесуэле и Доминиканской Республике, в Панаме и Таиланде, на Филиппинах и в Африке.

Но главный их погоним за последние десять лет — это Индонезия. В 1961 году в Сайгон «для организации борьбы с партизанскими прибывающими первая сотня зеленых беретов. Через год число их выросло в тридцать раз, а всего за аналогичное время «вспомогательные» во Вьетнаме прошло более десяти тысяч специалистов тайной войны.

Сейчас эти войска сведены в 16 групп, которые предназначены для действий в строго определенных районах мира. Из семи кадровых групп, находящихся в постоянной боевой готовности, четыре размещены за пределами США: 1-я — на япон-

ском острове Окинава для боевых операций на Дальнем Востоке; 3-я (3 000 человек) — в Южном Вьетнаме для действий в Индонезии; 8-я (800 человек) — в зоне Панамского канала со свободой действия в Латинской Америке; 12-я (1 200 человек) — в Багдаде, она нацелена против социалистических стран Европы. Три группы общей численностью в 3 000 человек находятся в Европе: 7-я группа Форт-Бригге [две — для операций на африканском континенте, третья, мобильный резерв — для переброски в любой другой район земного шара]. Особым сегодня состав войск специального назначения и кодовая программа их обучения!

«Двенадцатитрутовая бронзовая фигура солдата, в правой руке которого винтовка M-16, символизирующая готовность защищать свободу; левая рука протянута для дружеского пожатия, что свидетельствует о желанности солдата в любой момент прийти на помощь, дать добрый совет...» — восторги американского журнала «Арма дайджест» по поводу монумента на главной улице Форт-Бригге стоят вне бесконечных, как и колочная проволочка, мучительных муз Уолтера Фрийдрихера. Впрочем, мной раз реклама на футболку уступает место откровенным выражениям, и тогда можно услышать такое: «В война с коммунизмом нам нужна не правда, а поддельная деятельность. В этой войне нам потребуются все голуборезы и гангстеры, которых мы сможем завуалировать тем или иным способом. Генерал Уильям Диксон, сделавший это заявление, еще менее сентиментален, чем в свое время президент Труман.

Согласно этой установке, новобранцев, примерившего зеленый берет, прежде всего обрабатывают идеологически, вытравляя из его головы все, кроме патологической ненависти к «коммунистам — коммунистам. Потом в него за полгода вбивается на 40 тысяч долларов диверсионная тактика, и главное — его учат убивать. Убивать из новейших снайперских винтовок и бесшумных пистолетов, минами и джонковыми булавками, топором и ножом, камнем и палкой, куском проволоки, осколком стекла и просто голыми руками. Всего в арсенале, как сообщает американская пресса, 32 способа убийств.

БЕРЕТЫ

Вольфганг БАРТЕЛЬС

«Я считал для себя честью и доброй рекомендацией то, что я велел вождям зеленого карлика».

(На высказывании человека, о котором пойдет здесь речь.)

и вообще слухозлохот. В бесконечных речах, произнесенных на все более высокой тональности, Фортенберг, авторитетнейший. Попробую выделить в ней несколько удачных моментов, которые в такого рода акцентных документах принято обозначать словом «цитата».

В 1945 году, Фашистская Германия лежала в развалинах. В Мюнхене сидел тридцатилетний офицер заглавно на

одном из собраний: «Пусть руки отсохнут у того, кто снова возьмется за оружие!»

1958 год. Тот же человек, ставший военным министром ФГГ, приходит без какого-либо вреда для общественных конвенций: «Необходимо вложить в руки солдат бундсвера временное оружие... Такая армия может служить инструментом в руках политка».

Продолит еще тринадцать лет. Все тот же человек говорит на массовом митинге: «Я утратил веру, что удастся изменить мне добиться власти. Я хочу свободы, справедливости и благополучия для германского народа — даже с помощью Афганта, если придется».

Это Франц Йозеф Штраус, глава реакционной баварской партии Христианско-социальный союз (ХСС). Вышел военный министр и бывший министр финансов ФГГ. Почетный доктор в четырех американских университетах. Почетный гражданин города Ландсхут в Восточной Германии, один из подразделений армии США. Знаменитый символ Баварии, в которой он для награды особо отличившихся членов награждает высшей степенью отличия серебряными медалями, выданы на одной стороне свои собственные профиля, а на другой — земельный профиль. Это деятель, «который в час политического кризиса вступает в ряды Баварии всех, кто хочет сделать славу Германии», это политик, «который в 1973 году будет кандидатом на пост канцлера от имени своих друзей, стремясь создать такую Германию — новую и более сильную». Еще последние цитаты — из прессы ХСС. Они взяты из газеты «Дойче Вэлтер», органа

неонацистов. Штраус уже давно стал надеждой НДП. Что касается общественной партии, то она высказывает не менее определенно: «Штраус — человек будущего». Он не заменяет себя Адольфа Гитлера, но у него есть задатки для руководства... Мы должны добиться власти тем или иным способом. Даже в том случае, если акты выборов не будут для нас благоприятными» (из циркуляра сторонников ХСС в Кёбле).

Политический шагитак в военные годы Штраусе. Он не только легко совмещает с гитлеровскими финансовыми максимализмом. В Западной Германии за минушие годы не было ни одного из министров Штраусе, в которой не был бы замесан Штраусе.

В начале шестидесятых годов по приглашению ФГГ гремело дело ФИБАГ, Бавария Штраусе. Штраусе из Кандригха вместе с другой темой личностью, Шаосом, создали фиктивную строительную фирму ФИБАГ, которая поднимала постройки в Баварии. Штраусе не только занимался охотой на вооруженных, Штраусе сообщал своему тогдашнему коллеге, министру обороны США Гейтсу, что митинг проработал пролет. Через несколько лет Штраусе оказался просто жуликом, а ФИБАГ торжественно лопнула.

В 1962 году журнала «Шпигель» решил опубликовать материал о политическом скандале Штраусе, который, будучи военным министром, официально заявил о возможности «стереть СССР с географической карты». По призыву Штраусе полиция возмущалась помещением редакции, конфликтовала все армия в арестовала сотрудников журнала. Судебным предстательством Штраусе сообщил, что кандидат Аде-

науэр якобы разрешил ему не извещать об этой акции администрация штата Штамбергера. Этой ложкой Штраусе пытался прикрыть свое грубое нарушение конституции.

Но не только такого рода максимализма характера эта фигура. Он возродил в общественной жизни ФГГ реформаторскую манеру левого оксфордского университета. Штраусе надеялся на него. В 1962 году он кричал в будагесте социал-демократическую депутиату Кав-Альманау: «Не будь вы политическими максималистами, вы бы у меня последили в политике как релеткой!» Социал-демократу Герхарду Яну, который рассматривал «дело ФИБАГ», Штраусе угрожал высылкой.

Последний шаг партии ХСС проходила в апреле 1970 года под лозунгом «Германия нужна Баварии». Это означало не только то, что за минушие годы Бавария значительно уменьшила свое экономическое отставание от других земель ФГГ. Это означало прежде всего, что Бавария стала главным экономическим центром ФГГ.

Здесь по-прежнему существуют допотопная социальная структура. Здесь по-прежнему имеют большую вес аристократические семьи, клерикалы, крупно земледельцы. Тяжелая промышленность развивается лишь в нескольких центрах — Мюнхене, Аугсбурге, Нюрингере, Шпейерште, Ингольштадте, а в остальном Бавария сохранила свой аграрно-ремесленно-кустарный характер. Именно в этом — массовая основа ХСС. Финансовая же поддержка — у коралей электротехники (Самис), машиностроения (ММБ, ВМВ), химии (ХБС), по прежде все-

го — у военных концернов (Мессершмитт, Бельков, Дорнье, Юнкер, Факс), производящих самолеты, танки, ракеты, атомные устройства. Тот же политический максимализм, ниспроухождение баварских сил с властителями современной военной индустрии и есть тот правый картель, шефом которого стал Штраусе. Тот картель, который позволил Штраусе опознать тактику Штраусе: «Бавария нужна Германии, дабы то, что создано в западной части Германии, было создано и в других частях Германии. Вряд ли стоит расширившая программу, которая открывало стремится к политическому ГДР; к захвату воюющих и советских территорий. Все, что создано в Баварии, не стоит — у нас должно политическим, инстинктом и агрессии, правдивую в тушении, забытым миллионными турами.

Укрепление правого картеля и одновременно демократическое правительственное коалиции социал-демократии и свободно-демократической партии — такова тактика Штраусе. Он не скрывает ее: «Наше намерение и долг состоит в том, чтобы свергнуть это правитель-

ство». Имея в союзниках газетного короля Аксела Цезаря Шпрингера, Штраусе и Кав Песанг огромные финансовые ресурсы правого картеля, Штраусе укрепить собственную пропагандистскую машину — прессу, радио, телевидение, представительство в будагесте и ландштате. Миллиарды в руках высшего чистейшей воды — их символ веры, их ежедневная действительность.

[Сокращенный перевод из молодежного журнала «Экран ФГГ»]

Со стр. 3.

можно было три месяца, они сделали все за две недели. И всей бригадой получили авторское свидетельство.

— Что следует только думать, что на строительстве Чернянского химкомбината существует проблема: консерваторы — новаторы. Нет, все здесь сейчас иначе. В строительстве таких предприятий у нас еще нет, монтажники впервые объединяют в металле идеи технологии, конструктора, административцев, что требует высокой им требоваться быть в какой-то степени испытателями. Поэтому Воложенко и заставил бригаду изучать технологию массового производства, потому протекать на заводе, построенных им, и недаром по приглашению бригады химикомбината и технологи ведут занятия с монтажниками.

— Нельзя им сейчас быть просто исполнителями: «Зту трубу поставь сюда, а вот ту гаику завеси здесь» — говорил им Анатолий Чусовский. Да и его назначения было им неunknown, для чего они, эти гаики и трубы.

Штаб комсомольской стройки — ребята заготовили тесный набор своих шкафов, канн-то инструментов, верора рабочей одежды и беспорядочно сдвинуты вещи. Только что закончился, как всегда, шумное заседание штаба и его начальника. Леонид Казарин приреплет маленький красный флажок на доске почетного рядом с фамилией Заботникова. Закрыл такой же флажок, только не большие, поднимается над объектом, который ведет бригада бетонщиков.

— И все же я с решением штаба не согласен... — говорит Воложенко, наклоняется за спиной Казарина. — Покажут у бригад одинаковые только потому, что те же монтажники нам помогут. Это уже надо. — Дено не только покажетелем. У них же аморальный человек в бригаде завелся, сплочили.

Между всеми бригадами, участниками и управленцами стройки постоянно идет азартное соревнование. Добывая материалы, выходя из бетонных цехов. Да, как и заметил, все реально относится к славе, страшно добывая материалы, и каждая бригада считает себя сильней и лучше. Тем более удивителен этот документ — решение бригадного собрания бетонщиков о несправедливом приговоре им первого месяца. Заботников показал его Воложенко. Юрич читал вслух и следил за реакцией своих друзей. Монтажники не только не возмущались, но и возмущались, возмущались это необыкновенно — листки бумаги и твердо сказал: «Решение штаба считаю правильным. Покажите мне сейчас, что вы можете».

— Точно, — прогудел Литвищенко. — Но мы еще себе возьмем.

Чувство исполнителя показал ему Леонид Еришовцев и начал медленно опускаться вниз.

Бригада Воложенко сложилась шесть лет назад, сложилась, в общем-то, случайно. Группу монтажников в составе своего бригады Воложенко, возглавил бригады по два-три человека — и поешайте. Уже там, в колхозах, ребята выбрали бригаду Воложенко и назвали ее так.

— Так для дела было лучше, — поясняет Василий Клочков. — Юра и организатор хороший и за работу берутся. — На стройке найдешь на виду, как под реинтеном, — добавляет Петр Устищенко. — Им хорошо, им положено не работать. Вот им бригадиром своего и возглавляет Воложенко. — Все, с кого начиналась бригада — Вася Клочков, Петр Устищенко, Михаил Литвищенко, Янн Желба, — и ребята, которые не могли вставить, разделяют ее характер, открытый, прямой и требовательный. Ребята, убежденные в армии, сюда

же и возвращаются. Когда Володя Шарбуто, отступил, приехал на стройку, в бригаде Воложенко был молодой человек Шарбуто. Они согласились на другой участок — не согласился. Тогда бригадир упрямил административную увеличить ему план и добился одну пятнадцатую единицу — Володо.

Из бригады уходят радио. Пополняется же она в основном за счет молодых ребят из ПТУ-14. В прошлом году пришли оттуда Виктор Тюкало и Иван Ворона. Ворону в бригаде иронически называют Иваном Еришовцевым. Очень ему не любит Ворона работать — прогуд у него за прогудом, а выдет — пошмыканы на перекрестки уходит.

— Я бы не хотел Воложенко давать работу Воложенко. — Володо.

— Ты же межу наказаным предломили и монтажники на своем строительстве.

— Нет, надо искал другие пути развития. Воложенко — Володо — совсем пропалет другое. — Юра отговорила ребят от крайней меры, но все же за язык и прогуды бригады Ворона. — Володо, — разразил тот бржтисомы. — Юра не был бригадиром, у Виктора Тюкало случилось несчастье — спорел дом. Ребята не только собрали ему деньги, но и отпустили на неделю дело дом, обзавелись в эти дни работать и за своего товарища.

— Юра ему сейчас ставит, а разве это не справедливо? Ворона.

— Прогуды — подтвердили в отделе труда и заработной платы.

— Нет, — ответил монтажники. — Мы не хотим Воложенко. Случай то какой — беда у человека.

Через неделю Виктор вернулся, хотел взять еще отпуск на неделю за то, что успел помочь родственнику в постройке хаты — предломили. И бригада снова решила считать его на работе и выполнять его норму. — Если бы Ворона оказался в таком положении, помоги бы ему! — спросил у Воложенко. И он, не задумываясь, сказал:

— Да! — Потом добавил: — Разве только с мешками молчанья. Ворона — в это время сидел на ополку и пошема, разговор наш слышал, тогда говорим мы виновато.

Стенд для сборки пенн решил делить бригады Воложенко и Юрич в паре с Вороной, они укладывали трубы, приваривали и ими клали. На другой неделе Юрич распознал пятнадцать и рисовали, у Ворону по лицу ступали крупные капли пота.

— Иван Ефимович, может, перекурники — спросил бригадир.

— Не годят.

Как им топорились, а управится за рему не смогли. Собрались уходить.

— Вы что? Тут же на час работы. Все с удивлением посмотрели на Ворону, ребята конечно, отказались не на час, но уйти уже было нельзя.

Зачюпали в сумерки. Над стройкой замигали прожекторы, и до моря доносились звуки музыки, а панелями перекурыты, ковшам бетона, связкам труб, металлическими конструкциями. Третий очередь команды только поднимались над землей.

Весной этого года, в дин Всесоюзного комсомольского собрания Бригады Воложенко и Юрич обязались выполнить пятилетний план строительства-монтажных работ за четыре года. Почти монтажники поддержали свои строительные, реше сами, не испытывая никаких омерзаний химкомбината на месяц раньше срока.

— Хотели, парни, — засмеялись, предломили им Воложенко. — Мы те же через год станем амыканна.

— Этой стакан амыканна означал им много, им мало было в стройной цели означать им.

Я знал уже и Воложенко и его друзей, монтажников, плотников, бетонщиков, ребят талантливых и мучащих. Они не только не были инженерами, а инженерно уровнем и был уверен, что они выполнят свои обязательства. От пары я отказался.

ЗОЛОТЫЕ РАМЫ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Работы открывали в апреле. Как всякая сдача строительного объекта, дело это было суеверно: то внезапно запылавший самый трезвенный рабочий-отделочник, то исчезавшие пригласенные заранее крутые, с коваными шпильками гвозди, то мореное дерево, по мнению автора проекта тридцатилетнего художника Арно Селпа, именно в таком мелком «глазике» — при неполном освещении они будут придавать дереву глянцевый вид. Но, кроме общих строительных забот, у Арно Селпа было предостаточно своих личных проблем. Некоторые называли Арно капризным не по таланту человеком, другие употребляли и более резкие выражения. Все это, конечно, создавало перед неминуемо приближающимся сроком завершения работы атмосферу нервозности и вызывало у Арно недовольство тем, что многое получается не так, как бы хотелось...

* * *

Стоял ярко-солнечный, пронзительно-холодный весенний день. Обманчивое балтийское небо тянулось к земле теплой голубиной, но где-то у самой земли тепло воровато перехватывал стылый ветер, дувший сильными, затяжными порывами. Он заставлял мужчин поднимать воротники плащей, женщины — двигаться боком в попытке удержать руками вздувавшиеся укороченные юбки.

Арно не ощущал никакого холода. Он измеря еще там, на кладбище. И сейчас шагал по солнечной стороне улицы, шурша от яркого света и продолжая опустошенно размышлять о сегодняшнем грустном утрае.

А какин еще может быть утрае, когда провожаешь на кладбище любимого человека? Когда идешь за его гробом мимо пыльных кладбищенских памятников, раздражающихvineгретной смесью архитектурных стилей? Грустное-прегрустное утрае... Может быть, и не очень точное выражение, но где найдешь его, точное, когда идешь с похорон такого художника, как старина Адамсон!

«Как же так, старина, как же так! — вопрошал Арно и невольно ловил себя

на мысли, что в такую минуту надо думать о делах.—Как же ты мог подставить мне такую дельку, когда я, наконец, надеюсь хотя как-то обогладить тебя за бездну доверия и душевной щедрости, которыми ты одарил меня столь долгие годы? Одарил, когда никто не называл Сепла серьезным художником и считал самым obviously больно плюнуть ногой в лад, если сядешь рядом с ним, и металл не отвечает обидчикум у предостереженно о подлинном искусстве!

Только ты, старина Адамсон, всегда говорил мне слова,—как бы они были суровы и горьки,—дававшие силы не бросить все к чертовой матери. Только ты, старина Адамсон, всегда говорил мне о любви к своему ремеслу. Только ты, старина Адамсон, всегда говорил мне и тогда, когда я сделалю тогда-нибудь настоящую вещь. Как же ты мог продрать меня? Не остался бы счастливый день до открытия кафе, интересного первого а грезил два года. Здесь все сделано моими руками. И эти ковьяне перело, вздымающиеся за дверью, и только редкой сочувственный веде несся на грубый старый мягкого кресла, когда ты закинулся после среднего приступа asleep...

Мысли Арно путались. В голову лезла всякая чепуха. Ничтожные мелочи вдруг становились значительными и как бы поднимали собой то главное, чем был для него любимый старый художник. Но никогда не вспоминал, что главный недостаток его был одним глазом взглянуть на то, что столько раз видел арно, читая листы своих эскизов.

Ну, а похороны дела сами по себе не могли заставить ждать. Он метался днем по различным комиссиям, кледбиенским административным, нотариальным, котормар, пытаясь прикупить своей молодости и энергии, расширяя старые переносных рабочих ламп как бы локцами на две грубого ушеля, из которого нет выхода. И только внутренняя тревога помогала находить этот выход, каждый раз заставляя Арно просыпаться буквально за минуту до появления рабочих.

Старина Адамсон умер внезапно. Хотя как может быть внезапная смерть человека, которому почти семьдесят и когда паралич уже отобрал у него часть жизни! Большой жизни, за которую он успел сделать столько прекрасных и удивительных вещей: картин, скульптур, ковков, уникальных украшений.

Просто Арно внезапно узнал о смерти.

В ту утро он вспомнил о старом художнике, лишь наткнувшись на длинный продолговатый ящик, в котором, зная, лежал четырнадцать массивных дельных рам для картин старинной школы. Арно спустился вниз и из автомата позвонил... И услышал, что старик умер час назад...

Арно не бросился бежать в маленький ветхий дом, который всегда выглядел лишь призраком длинного просторного зала, служившего Адамсону мастерской. Арно решил остаться бежать в маленький ветхий дом, потому что вдруг осознал бессмысленность любой смерти. Он вернулся в зал и, усевшись в кресло, долго сидел, глядя на голую стену, освещенную им под картами Адамсона.

Нико не мог в свое время уговорить сверстников старина зваться за этот заказ. Адамсон не терпел заказной работы. Он никогда не думал о месте для вещи, которую делал, глубоко убежденный в том, что где-то ее рано найдется место, если сделать стоящую вещь. Каждый раз, когда Арно заводил со стариком разговор о картинах, Адамсон надувался, сопли и стамбалывался. Будто от дельных рам, как только мог, так только мог терпеть старые люди, не приходя к этому нелегкому умению долгим путем жизненных испытаний.

Арно уже отчаялся уговорить старика и почти смирился с мыслью, что придется отказать в своем желании, интересным заказом зало как-то обогладить своего учителя.

В тот памятный вечер старик был необычайно оживлен. Постоянно шутил, остро, метко. Сам начал разговор о заказе, и Арно не поверил своим ушам, когда старик Адамсон предложил ему сделать заказ.

— Ладно. На начало работы изложено самому себе... Ты знаешь, никогда не работая на заказ. Но зато, для твоего зала, выполню...

Арно пожелал, чтобы в ту минуту под рукой не оказалось бланка договора, что немедленно старик Адамсон начал читать бланк, который он составил на следующий день с попикой, в которой лежал уже затоголенный договор, нуждавшийся в одной-единственной адамсонской подписи. Арно боялся, что старик уже передал. Но тот, так же лукаво улыбаясь, словно ему еще с детства удалось совершить свое обязательное ушеля, подал бумагу. К еще большому удивлению Арно Сепла, прежде самым скрупулезным образом изучил все финансовые условия договора. Слов нет, речь шла о больших деньгах. Но кто это-то, а Арно знал совершенно точно, что сумма гонорара всегда мало интересовала старину Адамсона. Он передавал блики Арно от слов.

— Ну вот, я, кажется, заключил сегодня первый и самый выгодный контракт...

И опять задумано улыбнулся.

Арно начал писать. Когда он закончил, глядя на затвердевшую подпись, не долго думая над мотивами поведения старика. Как всякого молодого зюгаста — так иногда называл его Адамсон.— Арно вполне устраивал конечный результат чуждаства — сделать, непременно размещать, как и сама жизнь Адамсона, подлинно бланк.

Он собрался, как всегда, чтобы картины старина देने в приглашенную

освещенники радевали глаз посетителя. И Арно отдал старину самое ценное место в зале. Большую выставку, стену напротив эстрады, которую хотел декорировать своей кованой композицией.

«Стена эта должна иметь темный колор»,—рассудил когда-то Арно, мысленно давняя по ве полку своею композицию. Но, отдав стену под картины Адамсона, тотчас же, когда мальчишки в толпе начали вытаскивать из сумки повязку в глаза с несвойственной истинному искусству густостью или, наоборот, пропадут в полумраке. И то и другое одинаково плохо.

Арно за две ночи переделал эскизы, подобрал для стены ласковый нейтральный колор, который в середине дня, с дельным и ярким. В приглашенном отгнах зал такая стена как бы распыляла и рассеивала и картины начинали казаться столько: находились не на стене, а дельнее же, перем в зале, рядом с людьми.

И вот все эти поиски оказались напрасными. Потенциальная надежда доставить старину Адамсону радость причастности к делу, когда они в вечер открытия придут посидеть в их общем зале, пропала. Не по его, Арно, вине. Да и кто виноват в случившемся? Разве можно винить смерть! Но все-таки обидно, когда она приходит к таким людям, как старина Адамсон.

Арно вспомнил, что мальчишки в сумках носились в сумки искусства, который на протяжении авось пристально изучил все музее искусства.

Когда он говорил о смерти, колор красная, наливается подступом непознанной силой. В этой сонной речи не было и намек на самоуверенность жаровенного лишь творение, как не было и уныния идущего к неминуемому порождению.

Вот почему, например, Арно и просидел так долго в зале после телефонного звонка, прежде чем отрываться в домик старини Адамсона. Он не мог пойти туда, не вспоминая многое, о чем говорил со старым учителем за чашкой крепкого чаа...

Арно торопливо хлопоты, сопровождающие каждую похороны. И особенно похороны человека, которого, оказывается, любил похороны. Выразившем личной любви Арно было желание увидеть в зале картины старика. Но что его любило так и столько людей — было удивительным даже для него. Приходили простить любу, намы картинки свои, много лет друживший со стариком, даже не слышав. Шли знаменитости, своей славы давно затмившие славу старика, но которых и в этой доле не любил так, как Адамсон.

Слов, по эскизу вполне устраивавший старую художника, вдруг оказался мал ем после смерти. Большой пышно-костевой гроб никак не мог разворачиваться в узком коридорике. Арно заметил это, когда пустой гроб еще вносил в узок. Сказал рабочему, что с телом гроб будет вынести еще труднее, но тот поспешно успокоил: «Ничего. Тут наклоните — вот так, как и всегда». И вышел.

Но когда Адамсона начали вносить из дома, гроб не разворачивался. Арно вспомнил совет рабочего. Гроб наклонили, и тело старика, словно ожившее, сползло вниз. Кто-то из мужчин, державший гроб за боковую ручку, вынул тело старика. Оно было широко и деловито вдоворит тело на место. В толче, пожалуй, никто, кроме Арно да того мужчины, ничего и не заметил. За катафалком, будто пытаясь заполнить притихший дом самыми несуразными звуками человека, к счастью, не слышал ушелей, играл оркестр. Арно вспомнил, что в музее Адамсона, накануне долгу уговаривал председателя Художественного фонда не называть никакого оркестра, но тот не согласился, заявив, что похороны должны быть простоятейшими, и многие не поймут, если не будет музыки. Прожия тихо всю жизнь, старина Адамсон пожелал видеть под звезд листвы и грубое, оглушающее гуление медных труб. Медные трубы, которые так ослепительно, никак Арно не запомнил, но слышал с халтурным оркестром, фальшивящим в каждой музыкальной фразе.

Через узкие кледбиенские ворота с покосившимися от времени башнями бесконечно долго и деловито тынулись за гробом сотни людей. Мыши пропывали маршаче, как карликовые замки, слезы; редкие могли последние лет скройной выносы металлические решеток сиротливо ютились среди каменных гигантов. Место старине Адамсону отвели на этом старом кледбиене, а не на другом, новом, за дальним озером, только потому, что здесь находилась стена, по эскизу вполне устраивавший старину Адамсона, была исследована и напыря на непрелюбную улоу усопшего,—помнить сами с рядом с отцом.

Вера, под вечер, Арно приезжал на кледбиене проверить, готова ли могилка. Его встретили два полутьных мужчины. Могилы не было. Ее еще даже не начали копать. Старый сказал, чтобы Арно не волновался, потому как выкопать могилку можно и в любое время, а слова будут собою, и заделок не пропадет, и вообще все будет тип-топ...

Но тип-топ не получилось. Видно, слыны или отряпка могилочки вырыли-топаш короткую яму, и двуметровый гроб никак не опускаться. Выкопав яму, старик сказал, чтобы Арно не волновался, потому что выкопать могилку можно и в любое время, а слова будут собою, и заделок не пропадет, и вообще все будет тип-топ...

«Вот и все»,—повторила она как, будто не могла найти других слов, и тихо добавила: «Письмо».

— Мне? — Арно откровенно сказал, ошину, следил за кучером солонца, тнувшимися к любимым адамсонским чашкам. Попал на золотую камку, лучи преламелились в веселыми зайцами свеклом по стенам, чтобы там, отразившись в глянцецких масляных картинах, родить нового, уже менее яркого зайку.

— Да.—Ванда Леопольдовна встала и подошла к старинному секретеру. Она вынула из резного ящика продолговатый конверт с отпущенным в правом углу фамилией Адамсона.

— Да.—повторила она как, будто не могла найти других слов, и тихо добавила: «Письмо».

— Мне? — Арно откровенно сказал, ошину, следил за кучером солонца, тнувшимися к любимым адамсонским чашкам. Попал на золотую камку, лучи преламелились в веселыми зайцами свеклом по стенам, чтобы там, отразившись в глянцецких масляных картинах, родить нового, уже менее яркого зайку.

— Да.—Ванда Леопольдовна встала и подошла к старинному секретеру. Она вынула из резного ящика продолговатый конверт с отпущенным в правом углу фамилией Адамсона.

— Да.—повторила она как, будто не могла найти других слов, и тихо добавила: «Письмо».

— Мне? — Арно откровенно сказал, ошину, следил за кучером солонца, тнувшимися к любимым адамсонским чашкам. Попал на золотую камку, лучи преламелились в веселыми зайцами свеклом по стенам, чтобы там, отразившись в глянцецких масляных картинах, родить нового, уже менее яркого зайку.

Арно развнурил сложенный четверо большой лютый лист бумаги, пахну-

щих расворителями, маслом и какой-то приторной лекарственной жидкостью. Арно прочитал письмо на одном дельце, хотя оно было написано не крупным, размытым почерком старшей Адамсоны.

—Милый Арно.

Не считай, что сегодня я отступил от своего плана, подписав договор. В голову пришла одна заманчивая идея — заготовлю сделать тебе небольшой подарок. Думаю, тебе понравится. Ты увидишь. Ванде Леопольдонна везу с собой много картин художников, и я художник настоящий, имею больше, чем я, право на место в созданном тобой прекрасном зале, где люди смогут развлекать нежные сердца, которые с годами посещают их все чаще и чаще.

Ты повесишь в зале свои картины. Они лежат в мастерской, в старом ковчаном сундуке.

Поскольку рамы уже готовы, — их размеры я дал тебе давно, — то, наверное, ничем не помешаю твоей работе... И ты простишь, что я не держал слово в обещании. Жаль, что не так, как не жидк, картины будут висеть там, где ты задумал: это было бы здорово!

Но еще печальнее, что меня, наверняка, уже не будет, когда откроется твоё кафе. Это не старческое бротоание перед страхом забвения, это трезвое предчувствие неминуемого.

Твоя Адамсон.

Ванда Леопольдонна выжидающе смотрела на Арно, будто муж, уходя, забыл сказать нечто важное и передавал нечто через стороннего человека. Во всей напряженной старческой фигуре Ванды Леопольдонны сквозила страх и вдруг он, Арно, чего-нибудь не понял или понял не так! Арно молча подал ей письмо, сам еще плохо сознавая смысл послания старшей Адамсоны. После его сиюминутного потягивания, после всех хлопот, выпавших на долю Арно в связи с похоронами, письмо старшей Адамсоны не произвело особого впечатления. Арно только критично свел воедино большую газетно-журнальную чашку — то ли от вназального желания согреться, то ли в бездумной попытке удержать тепло оставшегося чая. Но скорее всего он вцепился в чашку, чтобы как-то сосредоточиться, избавиться от ощущения растерянности, охватившего его.

—Итак, на старшую Адамсону я уповал напрасно. Он все решил, решил без меня. О каких картинах говорится в письме! В мастерской старшей Адамсоны я сделал сотни эскизов, десятки работ... Аного, казавшееся не только завершённым, но и совершенным, старшая Адамсона раскладывала так, что едва discernible слезы оттаивали.

К тому же старшая Адамсон давно переманила меня на камень и железо. Последние два года мы больше задирались от кислотных испарений — при этом — в чем от масляных растворителей. И Ванда Леопольдонна вечно наставляла нас на это. Мы не могли избежать этого. Помнится, в мастерской не хватало места для больших и сложных конструкций, созданных нашими руками. Мы выкинули несколько ящиков с набросками, и, уверен, в первую очередь вылетели мои именные пробны.

Ванда Леопольдонна осторожна, будто принимала участие драматическое, взяла письмо и, надев очки, подошла к окну, почти прижалась щекой к давно не крашенной раме и долго шевелила губами, повторяя по несколько раз каждое слово. Так читает перелачивающийся слишком трудный текст. Потом она откинула письмо. Арно, и ты, полагая, что она не понимает, видел, что до Ванды Леопольдонны письмо не дошло и воссе.

— Не поняла я.

Арно вздохнул. Ну как объяснить ей поступок мужа, когда сам еще только начал обрывать отношения.

Арно неопределенно сказал:

— Это насчет картин...

— А-а, — протяжно вздохнула Ванда Леопольдонна и, не спрашивая его согласия, нашла новую чашку горячего чая. Арно вдруг встал.

— Арно, я хочу тебе сказать. Подаяй письмо объективному поручику, и не больше. Арно прошел к створам шкафу, стоявшему в углу, и сдвинул скрипящую, висевшую на одной петле крышку — сундук наполнили отряпая старую китайского халата. В какое-то мгновение Арно почувствовал, что старина не так сыграл роль в эту штуку. Подлая старшина трепан и увидел составленные лицом друг к другу трансформальные полотна. Вынул из плотного ряда картин одну наугад. И узнал ее сразу, будто написал только вчера.

И рисовое море, обремененное камью, так же ржавых валунов, и как бы подвешенные ватные облака.

Доставя картину за картиной, Арно как бы шаг за шагом отступал в свое прошлое, так недавнее и такое далекое. За каждым из аккуратно сложенных полотен выдосило лицо старшей Адамсоны, то грустное, то серьезное, то виноватое. Арно повернулся к стене из гипсов. Холст был подвешен на выдосилом адомсонским гипсовом объекте, подвешенном к стене. Арно не только сохранил его картины, которые после жестокой критики учителя Арно считал именной мезей, но и подготовил к экспозиции, поскольку у милодого згониста вечно не хватало времени на черновую работу.

Арно машинально сложил все картины обратно в сундук и, как было, прикрыл остатками некогда бывшего халата. Со скрипом задвинул крышку и вернулся в комнату. Ванда Леопольдонна по-прежнему сидела за столом.

Отвисшая чашка чаша стояла перед ней, а сама старуха смотрела в окно и не обращала на него внимания. Ванда Леопольдонна не глядя, словно не прочитала последнее послание мужа, забыла, зачем Арно пошел в мастерскую, так и не объяснив ей, что же означает все изложенное в письме.

— Арно сто не себе. Он обнял Ванду Леопольдонну за плечи и тихо сказал:

— Вам бы поехать... День был такой...

— Да, да, — охотно согласилась Ванда Леопольдонна и ушла в свою комнату тихо, плывущей походкой.

Арно еще посидел, прислушиваясь к тому, как скрипит под Вандой Леопольдонной старая деревянная кровать, сохраненная с новоборья. И подумал, что, пожалуй, опасно хранить старые вещи. Они слишком зримо напоминают о том, что было, о том, что порой не хочется вспоминать.

—Арно не ощущал никакого холода. Он измерил еще там, на кладбище. И сейчас шагнул по солнечной стороне улицы, шурша от яркого света и продолжая опустошенно размышлять о сегодняшнем грустном дне...

Иногда так, старина, как же так! — думал Арно. — Что же сделал ты своим последним делом. Кончик, кончик, кончик... Но лучшее — кому! Мне! Я подумал ли, что самое лучшее для меня, если бы ты держал слово и выполнил замысел!

Арно отстранил своим ключом хлипкую дверь черного хода и по узкой винтовой лестнице спустился в подвал, где он проводил свое детство. Подвал был закрыт на два больших амбарных замка. Еще минуты назад он с удивлением смотрел на них, плохо воображая, почему среди белого дня замки висят так бездельно и лениво. Пришлось — за тяжелыми, грубо сложенными дверями — сделать паузу. Арно не знал, что же делать. Он подошел к стене, но было слишком призрачно молоточного стука — мерекета желтого — надобных стовов расплывающего дерева. Только потом вспомнил, что сегодня суббота, день неробочий.

Внутри было не только тихо, но и темно. Он с трудом отыскал временный выключатель и замки, перевернул выключатель, осветив стены, потолок, ряды старых стоек в разных углах зала. Все казалось брошенным с вчераш так, словно стоило крикнуть, позвать — и вновь все придет в движение, оживет.

Арно ушелся в угол из кресел и диванов, неподвижным взглядом уставился на голую стену. И в этот неподвижный взгляд была полная обреченность человека, который понимал, что уже ничего нельзя исправить. Вспомнил, как старина Адамсон говорил о том, что он, Арно, еще сделает свою настоящую вещь. Старик при этом смеялся и, прищурив глаза, словно подразнивал Арно, говорил: «Вот увидишь, Арно, ты будешь знаменитым художником, ты будешь длинная. Работай и иди, когда сможешь сказать».

Арно смотрел на стену, словно силась в нем монотонно нейти решение неразрешимой проблемы.

Вспомнил, как в далекий угол зала, Крайнюю, вывелок из-под фанерных листов и прошел в ситковом тельняшк ище с черной, будто выжженным каленым железом, клеюмом: «Не хантовать». Долго искал молоток-газоудар. Наконец, нашел его под своим креслом и начал скрывать щипки: в нем лежали четырнадцать им самим заказанных рам к картинам старшей Адамсоны. Арно бегло пробежал, пока сделал эскизы оригинальных Адамсоны, прищурив под стасу всему искусству старика. Одно оставалось загадкой: как мог художник, подобный Адамсону, не зная еще картина полотна, назвать их размеры. Но мог же Адамсон подогнать полотна под готовые рамы...

Арно не мог же Адамсон подогнать полотна под готовые рамы...

Слишком резко разнузав последнюю доску, Арно перелорлся на гвоздь. Он почти не ощутил боли. Только с удивлением посмотрел на ладонь, сразу же схватил ее к седлану и крану. Достал носовой платок и завязал Арно. Он привык к седлану и крану, ошейнику и ушам, к выжженным Адамсоны, привык уже работать в металле и камне, Арно, горчачас, часто срывал мозоли и бил пальцы об острые края заточек.

Боль отрезвила Арно. Он начал вынимать из ящика золотые рамы и прищуриваясь, начал вставлять их в одну из готовых рамок. Арно вынул рамы вдоль пустой стелы и, опустившись в кресло, принялся рассматривать их так, словно каждая из рам несла в себе уникальное произведение великого мастера. Рамы оказались замысловатыми по своей форме — с изгибами и выпуклостями, но абсолютно квадратными по отношению к простым оконным проемам, то напоминавшие бойницы древних крепостей, выщеленные.

Арно откинулся на спинку и закрыл глаза. С таким же успехом мог бы их и не закрывать. Перед мысленным взглядом стояла все та же пустая стена, с жемчужными оладьями и прищуриваемым рам у осовании.

Старина, не зная, что Арно не понимает, что он может позволить себе сделать так, как завещал старина Адамсон: взять и исправить в золотые рамы собственные полотна. Это, наверно, tudo — не выполнять последний воли учителя. Но Арно не думал о непослушании. Предложение Адамсоны было им отвергнуто, хотя он и не смог бы сказать точно, когда. Может быть, там, в маленьком доме художника, когда читал письмо старика?

Арно сидел в заваленном мебелью, продаваемом свозиками нестроительном зале и мысленно — уже в который раз — расставлял давно развешенные картины. Арно не видел в одной из готовых рамок выжженного в одном обшис — в кафе не висеть картинам старшей Адамсоны. Никогда.

Это слово стучало в сознании, как не подлежащий обжалованию приговор. И он, художник, был бесценен отменить или хотя бы смягчить суровый вердикт.

Арно долго сидел, откинувшись в кресле. Потом встал и затеялся по залу, бесцельно перебирая разбросанные инструменты. По руку ползала старик заезубенный карандаш. Арно с недоумением посмотрел на него, будто не узнавая названного инструмента. Потом направились к стене, замер на мгновение, и начал рисовать. Быть откровенно, он не понимал, зачем — красная струйкой крови потекла из-под уходящего в стену шлямбура. Взял дробель и вогнал в отверстие. Оно-у взглядом нестройный ряд рам, выбрал самую интересную и повесил. Замер. Сделал несколько шагов назад. И вновь замер. И еще несколько шагов. И еще раз замер. И еще раз замер — стену и повешенную раму, связь которую проступал все тот же колор стелы.

Арно начал лихорадить. Его лихорадило всегда, когда он после долгих сомнений, наконец приближался к единственно правильному решению в композиции. Это не немаловажная особенность его творчества — красная холондом. Сейчас Арно было так горячо, что казалось, он все горит в тифозном жару.

Перед Арно вдруг предстала полная композиция размещения рам на стене. Арно не видел, как это получилось, да и где уже было ясно. Предстояло лишь решить, в каком порядке их расставить.

Арно вновь взялся за шлямбур и молоток. Начал один за другим вешать в стену мысленные дробели. Он не искал точек, куда повесить очередную раму. Тотчас находил сам себя. Он вешал рамы, не глядя, словно уже долгие годы в тех порках он подружился с молотком и шлямбуром, прощупывал эту композицию и линейной обмерил каждый кусок стелы.

Развился все четырнадцать рам, он в измененном опустился на пустой ящик и окинул стелу белым взглядом. Эффект золотых рам, связь которых происходила от единственного холондом стелы, была очевидна.

Арно не знал, согласился ли с его решением члены приемной комиссии, но был уверен, что бы ни случилось, сегодня он своим решением сказал то, настоящее, что так долго и мучительно хотел сказать.

ОГНЕННЫЕ МИНУТЫ

Леонид РЕПЕЦКИЙ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

В строго установленное время на боевые позиции один за другим стали прибывать отряды пожарных. Вскоре на командный пункт пришло сообщение: резервуар на три тысячи кубометров бензина заполнен.

Руководитель испытаний подполковник Николай Иосифович Кирилленко и прибывшие под Исцелубышевск специалисты занимают свои места. В сторонке замерла машина с красным крестом.

Внимание всему боевому составу! — Из динамиков, установленных по всей территории полигона, раздается голос руководителя тушения пожара. — Ответственным за боевые участки доложить начальнику штаба о готовности!

Пока следуют доклады, в последний раз снимаются пробы бензина, результаты анализа заносится в журналы участников огневых опытов. К резервуару направляется «поджигатель» — старший мастер полигона Ф. Баранов.

С разрешения руководителя испытаний, облаченные в боевое снаряжение пожарных, остаемые в опасной зоне вместе с начальником штаба тушения майором Валентином Шибавым. Майор выглядит молодо. Впрочем, ему действительно чуть более тридцати. Четкие движения, строгие черты лица и мажор, притягивающие глаза из-под низко надвинутой каски... Позже, когда опыт закончился, майор снял каску, и мы увидели, что волосы у него почти седые. Пережила несколько удачных взрывов, один из присутствующих отвел нас в сторонку и рассказал, что майор поседел год назад, в ту ночь, когда его подняли с постели по кличку номер три. На языке пожарных это означало, что горит важный объект. В таких случаях на место происшествия выезжает лучшее специалистов. Так было и в тот раз. Загорелся резервуар на нефтеперерабатывающем комбинате. Разрушились сварные швы трубопроводов, бензин хлынул через трещины. Если огненный смерч приблизится к другим резервуарам, не миновать взрыва! На пути огненного вала и асталки пожарные во главе с Шибавым. Час, второй, третий продолжалась битва. Водной барьер, пенные атаки принесли результат, но огонь не сдавался. Наступил момент, когда люди оказались на небольшом острове, окруженные пламенем. «Направить стволы на нас! — передал тогда по

ПОЖАР ВСПЫХНУЛ ПО КОМАНДЕ.

НАЧАЛАСЬ АТАКА.

ПЛАМЯ СБИТО.

УНИЧТОЖАЮТСЯ ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫКИ ОГНЯ.

ВСЕМУ БОЕВОМУ СОСТАВУ ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

ранин Шибев и командовал пожарными по одному мечадренно, воздать огненный остров. В тяжелой одежде последним ушел из западной майор, чтобы ринуться в новую атаку. 22 часа тогда не походил он места сражения, но пожар ликвидировал...

Огневые эксперименты, на которые мы приехали, имели определенную задачу — проверить действие нового пенообразователя для получения высококачественной пены. Вот почему начальником штаба назначили опытного пожарного, майора Шибева.

Валентин по радио сообщает на командный пункт о полной боевой готовности всех участников. Оттуда следует команда:

— Подъем резервуар!

Фанел, брошенный опытной ртукот, летит через борт резервуара. Гигантский гриб из огня и дыма тут же подымается высоко к небу. В наступившей тишине нарастает мерное гудение горящего бензина.

— Свободное горение — пять минут!

Именно столько времени потребовалось бы пожарным, чтобы прибыть на место и привести свою технику в полную готовность.

Быстро движется воздух. Хотя мы и находимся на расстоянии по меньшей мере в тридцать метров, с непривычки невыносимо жарко. Хочется уйти в тень.

А там, у самого резервуара, уже бьются водяные струи. Это приступила к работе группа охлаждения. На каждом столбе расставлено по два человека — ребята из учебного отряда. Многие ни разу не видели горящего резервуара. На полигоне они и проходят крещение в условиях, максимально приближенных к естественным.

Капитан Владимир Куренков — специалист по охлаждению. Горящий резервуар для него что открытая книга. Пятна на стенах, шум внутри емкости, гудение пламени — детали, по которым он ставит оперативные задачи для своей группы. Владимир уже четырнадцать лет работает в пожарной охране. Пошел он по следам брата — начальника отряда в Рязани Евгения Куренкова. Случилось, что они вместе тушили пожары...

Смотрим на часы — истекло последние секунды свободного горения.

— Внимание! Начать пенистую атаку!

Танкетка с установленным на ней подъемником осторожно направляет свой «клев» в огонь. Из шестнадцати стволос по системе вылетают жидкая пена и некто начинают пожарить огонь.

— Усилить давление до восьми атмосфер! — командует Шибев.

На глазах столб пламени и дыма постепенно уменьшается. Тугие струи воды срезают огненные языки с самой верхней крошки емкости. Через три минуты основное пламя сбито. Докладывают с наблюдательного пункта:

— Пламя по всему резервуару!
— Отдельные языки в середине и у бортов!

— Пламя только у бортов!

Сейчас там, наверху, кипит бензин. Неприкрытый подушкой из пены, огонь жидет малейшую искру. Упусти момент, и пламя, вырвавшись на волю, вновь вспыхнет со всей силой. Поэтому Шибев приказывает повысить давление на пол-атмосферу. И вот пламя окончательно подавлено.

Руководитель испытаний объявляет: ровно семь минут.

— Прошло немного времени, и из громкоговорителя снова раздалась команда:

— Внимание всему боевому составу! Объявляется боевая готовность! На полигоне вблизи Новокуйбышевска началась очередная огненная опыт...

Кругозор современника

то произошло буквально на моих глазах. Осенью 1969 года. Уникальная, поразительная находка; прогрессивная на весь научный мир. И опять люди говорили: «Ничего удивительного, Бадер — сыстанчик, ему всегда везет!»

Почти пятнадцать лет упорно, настойчиво ведет раскопки палеолитической стоянки на ручье Сутирль под Владимиром известный советский археолог Отто Николаевич Бадер. Сутирльская стоянка — это охотничье поселение эпохи Древнего каменного века, отделенное от нас десятками тысячелетий. Очень мало знают ученые о том времени, о быте, образе жизни, о круге интересов, об искусстве наших древних предков. Угольки кострищ, бусинки украшений, каменные орудия, кости зверей — все эти предметы являлись бесценными находками, свидетельствами, принадлежавшими из былого времени. Страстная мечта каждого ученого — найти остатки палеолитического человека. Ведь они дают возможность для детальных антропологических исследований, для восстановления портрета древнего человека по его черепу. А кроме того, похоронный

С доктором исторических наук, профессором Отто Николаевичем БАДЕРОМ беседует специальный корреспондент «Смены» Марк БАРИНОВ

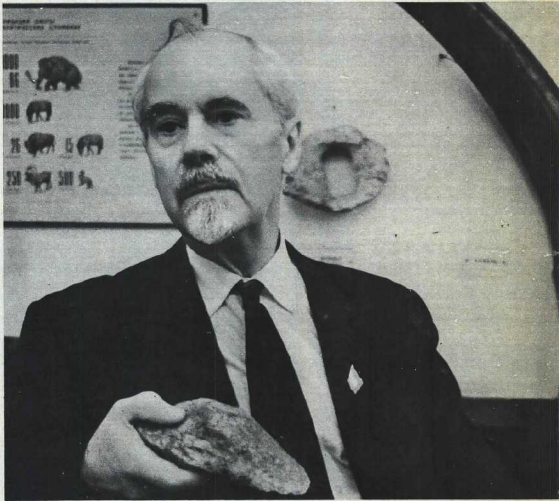

Фото Виктора САККА

ЧТО ЕСТЬ УДАЧА?

ригута в древности предусматривала снабжение успешного млекопитающего разнообразной пищей: орудия труда, орудия охоты, оружие. Но это все предстает немалую научную ценность. Эпоха Древнего каменного века — палеолита — далаась почти полтора миллиона лет и закончилась примерно за десять — двадцать тысяч лет до нашей эры, а заключительный этап на всем земном шаре вообще не более полусотни.

В 1964 году на Суниуре прогремела сенсация: профессор Бадер обнаружил захоронение! Могилы Суниурца (так называются в названии этого древнего охотника) оказались к тому же самой богатой из всех известных захоронений палеолита. По Вадимович составлен международный доклад, из которого можно прочитать десятки докладов, написанных книги.

Отто Николевич продолжал работы, а в г. Селжиссером кпистудна «Центрвульфам». А м с Реколомовым задумали снять картину под названием «Встреча с мамонтами». Вслед за этим хотели рассказать о Суниуре, Суниурцах, археологах, об их трудах, удачах и надеждах.

Осенью 1969 года съемочная группа прибыла Поля Вадимович к месту раскопок. Погода ухудшилась, шли дожди, редко выпадал солнечный денек, и тогда операторы и их помощники спешили на водостое тушенное железо. Археологи готовились прекратить работы из-за погоды, но в этот момент встала проблема «звездный час Суниурца» — профессор Бадер обнаружил новые богатейшие захоронения! Остались два мальчика, буквально последние орудия, украшения, различные материалы орудиями. Можете себе представить, как работали операторы, стараясь зафиксировать на пленке все детали открытия!

Ониши, подвизания, пресекса, доклад, симпозиум. И снова тогда говорился «Ничего удивительного, Бадер — счастливилик, ему всегда везет!» И это действительно так. Ученые говорили мне, что О. Н. Бадер исключительно удачливый археолог: ни успеха, ни только открытий, что их хватало бы на десятилетия!

Я давно собирался вместе с ним разговор об удачливости, о везении, но всякий раз нам хватало времени лишь на самые общие беседы. А между тем интересно ведь, что думает об этом человек, всеми признанный везунчик.

Наконец беседа была состоялась, и я сразу же задала моему собеседнику самый главный вопрос:

— Скажите, Отто Николевич, как вы относитесь к тому, что вас называют счастливичиком? Правда ли это?

— Мне шестидесять семь. Следовательно, можно уже подвести кое-какие итоги. Это правда, мне очень везло в работе.

— А правда, что вы каких открытий хватало бы на десятилетия ученика?

— Может быть... — Отто Николевич громким голосом начал перечислять географические названия и эпохи, как переписывает ветеран-полководец места своих сражений и побед.

— Сравниваю разные археологии... Эпоха раннего железа и бронзы. На Урале много впервые исследованы культуры эпохи мезолита, а также железа и бронзы... На Средней Волге найден и изучен феномен Великого мотыльковидного камня — Юбинский мотылек; в Крыму — Волчий грот, памятник мирового значения; Каменная могила — комплекс изумительных настенных росписей эпохи неолита; Келменский грот — это жилище человека эпохи палеолита. Да всего и не перечислишь! А сколько у меня лежит необработанных материалов! Но разве можно все увидеть? Вот когда у вас время, чтобы ехать в экспедиции, тогда засяду на них, обработаю, напишу еще несколько книг...

— Отто Николевич, все-таки чем объяснить, что судьба была столь милостива к вам и так часто приводила к выдающимся успехам в археологии?

— Объяснение существует одно, и только одно! Если беззаветно, одержимо любяшь свое дело, то успех и удача идут к вам подобно магнетиту.

— Видимо, одной одержимости мало. Необходимо, наверное, и терпение и сила воли...

— Нет, нет, совершенно не в этом дело! Никаких волевых усилий, никакого жертвенного терпения не требуется. Просто — это же не работа «какая чуждая трудом» — это замечательная библийскую формулу сонини адам легиныне, лигивенны способности劳动, потому что нет в жизни большого счастья, чем себя отдать к своему делу!

И все-таки, видимо, любовь, это безмерная уверенность и настойчивость...

— Опять вы о своем! Вы, люди молодого поколения, мне думается, недооцениваете значения этого великого понятия — любви! Ну, хорошо, по-

проблем с другого конца. Вот вам один пример. Мне было двадцать пять лет — совсем начало моей археологической карьеры. Я в это время работал в Рязанской области, в районе города Прокса. А база располагалась в сорока двух километрах, в городе Скопине. Автобусы в те годы ходили только в Скопине и Скопинском районе и днем. И вот если возникала необходимость поехать на базу, то я вечером, после раскопок, отправлялся пешком в Скопину. Тогда все noch, как в ту пору, было везу, делал дела. Когда же кончалась работа и засиделся и тут же приступая к работе, радовался, что не потерял даром ни одной лишней минуты!

Быть может, вы скажете, что это «трудовой подвиг», и скажу по-другому: именно такая жизнь доставляла мне наслаждение. Человек живет, чтобы наслаждаться жизнью, только разным смыслом вкладывает в это понятие. Для кого-то верхи жизни — это наслаждение счастливой любовью, кто-то рабавет идеала и съезидит на рыбалку. А мое наслаждение — для человека высшим наслаждением является занятие любимым делом.

Теперь, пожалуй, спросит да кто-то скажет: за ночь мне не прожить, тогда вы же, хотя все же...

Отто Николевич замолчал, а я подумал, что это «все же» вполне можно отнести к своим личностным прошлым успехам. Когда всерьез занялся археологией, то буквально делал и ночевал на раскопе. Стояла дождливая и ветренная осенняя погода. Профессор Бадер в своем амплуа, хотя не до пяти часов утра, но в это время работал на раскопе, и я проводил долгие часы под открытым небом, ведя позитиве ювелирную работу по расчистке захоронения. Проникли дождь и ночь, был раскаты грома, дождь продолжал литься, а в это время я делал маленькая петушка, давал минутное тепло, а археолог продолжал свой самолюбивый труд.

— Скажите, Отто Николевич, какова главная идея вашей работы — открытие, изыскание, исследование? Или, наоборот, отгадка, поиск, небольшой паузы:

— Конечно, открытие в жизни археолога (как, впрочем, и человека любой другой профессии) имеет особое значение. Это как открытие в физическом пути... Но самое интересное для меня — процесс исследования, во время которого я живу в огромном мире археологии, свободно путешествую по степям и хвойным лесам, изучаю различные предметы. Здесь следует искать корни несвернутого оптимизма, который присущ всем людям, увлеченным своим делом. Говорить, и удача, а я знал бы вы, что такое счастье было в прошлом, а сейчас не вышло и в отчаянии! И вовсе не потому, что брал себя в руки, заставлял себя не отчаиваться. Просто я точно знаю, что на моем пути будут везунчи так же неизбежно, как и удача.

А дальше дело идет со мной... Оно и утешит и поддерживает в трудный момент.

— И в этом смысле открытие, находка...

— И в этом смысле открытие, находка оказывают лишь заочерочным итогом главного, что есть в жизни человека, — труда, любимой работы! А вот если мы с вами доставим вперед иначе, скажем, что цель человека — успех, удача, то это может обернуться трагедией для него, ведь он сразу теряет ощущение очарования и несимпатичности.

— Ингода достижение успеха превращается в самоцель из-за честолюбия, весьма часто присутствующего у людей...

— Конечно, Однако честолюбие, если оно ограничено разумом и главным образом соответствующим воспитанием, полезное и динамичное качество. Вам известно, когда вас хвалят, вам стимулируют, вызывают энтузиазм, вы становитесь не безразличным к славе. Все это хрониче стимуляторы продуктивной деятельности. Так что скорректированы, «воспитанные» честолюбие я бы не отнес к пороку отрицательной стороны!

А в каких случаях, по-вашему, честолюбие проявляет себя отрицательной стороной? И каким образом «облагородить», воспитать честолюбие?

— Тогда сначала ответить вы мне: неразборчиво ли вы расходуете достижения? Если дисциплинированность, неподражаемость, наконец — способны на эти качества достигшему успеха, а значит, и удовлетворению личного честолюбия!

— Как когда...

— Точнее! — В области науки профессор, обладающий дисциплинированностью и неподражаемостью раз могут способствовать личному успеху. Однако рано или поздно карьера, производимую воздвигает!

— Как значит «воздвигает»? Чем воздвигает? Не господом ли богами? — Бадер энергично покачал головой: — Будем откровенны. Бывает, честолюбие достигает успеха невинным путем и нередко имеет характер успеха при всяком случае. Но это не то, чем же определяется в конечном счете пред-

ность или полезность личных качеств? Думаю, законными внутренними взаимодействиями системы «личность — общество». Если человек имеет успех и вреден — и это решает все. Аморальность недоуменная не только из высших, абстрактных соображений, но и из практических интересов общества. Вспомните, например, сколько раз вы встречались на ваши вопросы так: честолюбие проявляет себя отрицательной стороной, когда человек неработнич в средствах к достижению цели, нечестоват, беспринципен. Из этого следует, что «воспитание» честолюбия — дело сложное и трудное. Для того чтобы достичь цели через воспитание в человеке высоких моральных качеств.

И еще одно. Поскольку типично эгоистично беспринципно, нечестоват, а значит, сам себя, неморально, каждый раз, когда столкнется с «этичными» поступками. И это тоже необходимо воспитывать в человеке.

— Но ведь человек не любит своего дела? Может к нему принят успех?

— По-настоящему крупный — нет. Если человек не любит своего дела, это большое несчастье.

— А как вселять любовь к делу, кому не повезло, кто не нащел себе?

— Ответ я вижу лишь один. Искать и находить! Искать такое дело, которому было бы не жалко посвятить всю жизнь. Для этого вполне беречь, ни времени, ни сил, ни здоровья, ни материальных средств, ни рисков, окунуться с головой в дело вас и для общества в целом.

— Но ведь поиск может оказаться невероятно трудным делом, а человек, не имея ни курса, ни нравно, затравивает, и весьма болезненно разноразнообразные и очень существенные стороны жизни человека.

— Но ведь другие, более легкие пути! Я не вижу.

— Если позволите, сформулируем теперь понятия «удачливый человек» и «удача». Удачлив тот, кто беззаветно предан своему делу. Удача же есть результат того, что человек имеет полную отдачу ему всех сил и способностей. Так?

— Ну, если не предвзвешать на научность, — смеется Бадер, — пожалуй, так.

— Но ведь человек не любит своего дела, например, семки?

— Мой сын тоже археолог. И мы оба довольно выговором его пути. Так что здесь все ясно. А вот с женой сложнее. Ведь стремлюсь всегда к любви, но мне не удается. И вот, оказывается, что в данный момент стою к неконкретной рукописи, — а неизбежно я вынужден уделять внимание любимому человеку. Ингода это приоблетает весьма острые формы. Помню, когда лет тому назад, жена пришла себе очень красивая платье, о котором давно мечтала (в то время моего платье было большим событием в жизни женщины). Вы удалось достать билеты на «Кармен» в Большой театр. Музыка мы оба очень любим, и потому событие было довольно значительным. Но случилось так, что в тот день мне особенно хорошо работало. И я опоздал в театр, чем очень огорчил жену. До сих пор вспоминаю со стыдом и болью этот свой поступок.

— Больше подобных случаев не бывает?

— Увы, да, и довольно часто.

— Вы хотите сказать, что ради своего дела надо поступать даже с любимым человеком? В этом случае вы не чувствуете ни одного из нравственных. Но зачему: нужна большая гибкость ума и характера для того, чтобы сохранять в гармонии эти важнейшие стороны человеческого бытия. В этом — залог успеха.

— Не означает ли это, что для полного благополучия семьи необходимо, чтобы один из супругов повсюду себя служил интересам другой? Или же, наоборот, чтобы один из супругов не когда обо страстно увлечен своим делом. Тогда, даже несмотря на различие в роде занятий, внешне общий уровень увлеченности любимой работой является высоким, и потому супруги будут испытывать счастливые семейные отношения.

— А совместима ли подлинная страсть к своему делу с другими увлечениями?

— Я, например, много много хожу на лыжах, а лыжи увлекаюсь лыжами, поэтому мне не требуют времени. Ни один же, кроме чистой радости, приносит огромный заряд бодрости, сил, восстанавливает веки внутреннюю аккумулятор энергии. Вам, если сказать иначе, я убежден, что для любого человека физическое увлечение — путь даже самым любимым делом. Нужно время от времени резко менять вид деятельности. И если основа вашей жизни — умственный труд, то это надо дополнять физическим занятием, и наоборот. Не так уж много усилий требуется для того, чтобы воспитать в себе такую привычку. Только начинать надо «сначала». Впрочем, я противник исключительно физической работы, а значит, и в области...

МЕСТО МЮЗИК-КОЛЛА ХОЛЛА

Александр АСАРКАН,
Мирослав МУРАЗОВ [фото]

В ти синими не заметит
вм Ленинградского мюзик-холла. Просто для тех, кто видел его программы, фотографии запомнит, а для тех кто не видел создадут какое белое, самое приблизительное впечатление. У нас есть любители судить о нитах по индентриковим и рецензиям, а о спектаклях — по рецензиям и фотоснимкам. Между тем по рецензиям и фотоснимкам надо судить прежде всего о них самих, рецензиях и снимках [а также отчасти о рецензентах и фотографы], а о спектаклях получать лишь первоначальное представление, оставив место и время для личного знакомства и собственного суждения. А то будет путаница и скука.

Сенчас, когда я это пишу, Ленинградский мюзик-холл выступает в Бразилии — это доказывает, что он хорош, плохой бы не послали так далеко. Сам я живу в Москве и этой его программы не видел, а видел первую: «Нет тебя прекраснее» [слово обращения, разумеется, к Ленинграду]. Из той программы запомнилось не так уж много — развлекательное искусство не рассчитано на то, чтобы создать вечные ценности и глубоко запасть в душу, но сохранилось общее ощущение «мюзиколльности». С него и начинаю.

Каждый легко опознает в мюзикле — музыку, а в «холле» — холл, зал. В таком зале можно давать тот симфонические концерты. Но такого зала нет, а мюзиколлои называют разнообразие музыкально-танцевальные представления легкого жанра — то, что в целом, мы именуем эстрадой. В наше время танце же представления можно называть «большой эстрадной программой», или «обозрением», «ревю», «варьете» или еще десятком разными способами. Все это давно смешалось, сли-

лось, расплодилось, перепуталось и много историей не занимает, поскольку восходит к каким-то смутным парижско-венским воспоминаниям «мирного времени» [это значит — до первой мировой войны], к пыльным «идеалам» и легкомысленным «красоткам набавре», к страусовым перьям, цилиндрам, тросточкам и моноклям, к ценностям ресторанным и парфюмерного порядка, раздельному туалету, откорюченным буржуев. Когда же этот мир рухнул [а он рухнул не только в странах, где произошли социальные перевороты, но и там, где революции не было; их не было в странах, но они пробуждали в сознании и в искусстве], осталась груда слов, или ни для чего не пригодная, или пригодная для чего угодно. В качестве литературы по этому вопросу могу порекомендовать роман Фейхтвангера «Успех» — странцы про университетное заведение «Лудвенца» и про обозрение «Выше мекуда», которое задумано талантливым и едким писателем как злая сатира, а в тоде репетиции становился обычным обозрением тех лет — бессмысленной выставкой мишуры, сверкающих тканей, обмуженных тел.

Но ведь заготовил же талантливый и едкий писатель, впутаться в это развлекательное-буржуазное предприятие. А почему? А потому, что и называя эти ми о чем и говорят, и каковы жанр низких верды правки и ограничений не имеет. В том же романе «Успех» выведен суровый, рационально мыслящий маркист, инженер Каспар Прекль, сочиняющий песни-баллады и поющих их под собственный аккомпанемент на банджо. Фейхтвангер представил в этом образе своего друга Бертольда Брента [а самого себя отчасти в виде писателя, сочинившего обозрение]. И вот ныне мы видим: а) расцвет жанра политической песни, б) влияние Брента не только на театр, но и на музы-

На стр. 20.

ЭТОТ СОЛНЕЧНЫЙ,
МНОГОЦВЕТНЫЙ НО-
МЕР НАЗЫВАЕТСЯ
«КРИСТАЛ».

В СТРЕМИТЕЛЬНОМ,
ЧЕТКОМ РИТМЕ ИС-
ПОЛНЯЕТСЯ ТАНЕЦ С
БАРАБАНАМИ.

ЛЕГКАЯ МУЗЫКА,
КРАСИВЫЕ ДЕКОРА-
ЦИИ, ЛЕГКАЯ ФАН-
ТАЗИЯ ПОСТАНОВЩИ-
КОВ, «ГУСАРСКАЯ
БАЛЛАДА» — ТАНЦУ-
ЕТ ВЕСЬ БАЛЕТ!

«ЗВЕЗДА»... «ЭТУ-
АЛЬ»... ВЫСТУПАЕТ
СОЛНЦЕТА... МОЗГИК
ХОЛДА ОЛЬГА БАР-
ДАШЕВА.

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ГОВОРТЕ ЛИ ВЫ
ПО-ЭТРУСКИ!

2. БАНК ИДЕЙ

3. СНАЧАЛА — ПЛАВАТЬ,
ПОТОМ — ХОДИТЬ!

4. ЗОЛОТО ВАТИКАНА

5. ЗЕЛЕНЕ ФАЛЬШИВКИ

6. ПОД УЛИЦАМИ
ПАРИЖА

7. «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
БОМБА»
НЕ СРАБОТАЛА

8. КОМПЬЮТЕР
ПРОДОЛЖАЕТ
ОСТРИТЬ

9. ОЛИВЕР ТВИСТ
ИЗ ИТАЛИИ

10. «ПАЛАДИН»
ДЕЙСТВУЕТ

11. ВЕРХОМ НА
ВЗБЕШЕННОМ БЫКЕ

— Вы знаете этрусков? — спрашивает интервьюер болгарский академик Владимир Георгиев. Безусловно, знает! Во многие языки мира вошли такие этрусские слова, как «спорт», «мастер», «царь», «судья».

«В первой половине и середине первого тысячелетия до нашей эры этруски, жившие в Центральной и Северной Италии, достигли очень высокой ступени культуры. Здесь появилось развитое рабовладельческое общество, которое так же как и Западная Европа царил еще первобытнообщинный строй. Этруски были опытные мореплаватели (их суда бороздили воды и побережья Средиземного моря), отличались металлургией (железо) и медельварным делом было широко поставлено в Этрурии), искусными скульпторами (их произведения сегодня находятся во всех больших музеях мира).

За последние десяти лет много ученых и еще больше дилетантов пытались расшифровать этрусский язык. И вот недавно болгарский академик Владимир Георгиев, долгие годы изучавший культуру исчезнувшего народа, опубликовал работу, в которой расшифровал язык этрусков. Его морфологическая модель, как установил болгарский ученый, близка к языку хеттского языка, а это уже ключ к разгадке. Благодаря этому появилась возможность прочесть различные этрусские тексты, дошедшие до нас. — много религиозного содержания, надгробные надписи, договоры, замечания от болезней, мифы.

Владимир Георгиев разобрался и в проблеме происхождения этрусков. Он еще лет тридцать тому назад высказал предположение, что в легенде древних авторов о происхождении этрусков из Троируется историческая истина. Эта версия сегодня подтверждена археологическими раскопками и одной этрусской надписью. Имя этрусков — троянские колонисты, которые в период между X и VIII веками до н. э. поселились в Западной Италии (Этрурии), привлекаясь богатствами месторождений руды и плодородные почвы. Романизированные этруски, в частности, например, император Цезарь или министр при императоре Августе — Меценат, — все это не случайно, ведь имя стало нарицательным во многих европейских языках, как оказывается, хорошо понимая о троянском происхождении своих предков.

«ОГНИ ВОЛГАРИИ»

2.

Боле полутора назад Главное правление Союза социалистической молодежи Польши и редакция журнала «Доккола святас» создали так называемый Банк идей, который, по замыслу инициаторов, должен служить обогащению, модернизации и усовершенствованию общественной жизни во всех ее проявлениях и на всех ступенях.

Смысл этого банка заключается в практическом применении как можно большего количества предложений, которые молодежь присылает в редакцию «Доккола святас» и которые касаются как народного хозяйства и административно-го аппарата, так и политики, культуры, науки. «Диапазон идей» — пишет журнал, — от лириков до комментатора, от трамвайной остановки до всего мира, от земельского чертежа до функционального анализа».

Каждое присланное предложение получает на страницах «Доккола святас» соответствующий «банковский номер». Затем совет банка рассматривает эти идеи и направляет их тому или иному представительному либо общественному органу для внедрения в жизнь.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

3.

Эта школа плавания уже около десяти лет существует в Калифорнии. Тренер Лосилья Кауа обучалась с обученца 3—4-летних ребятишек, а сегодня она уже уже учит держаться на воде трехмесячных малышей.

В прошлом году в США утонуло во время купания не менее 7 400 человек, и потому оныг Лосилья Кауа, которая примерно за десять месяцев делает трудных младенцев хорошими пловцами, получила большой резонанс в стране. Эта школа плавания расположена в местечке Спайзермидо Виллаж где много кружков, представляющих серьезную опасность для детей, не умеющих плавать. Вот почему девиз Лосилья Кауа: «Как научить ребенка, тем быстрее он научится плавать и тем безбашнее он чувствует себя в воде.

В своей книге «Как научить вашего малыша плавать? Л. Кауа рассказывает о технике этих занятий, подчеркивая необходимость прерывания каждого занятия уроком и игры. «Мой основной призыв к родителям: не принуждайте! не принуждайте! не принуждайте! Ребенок должен видеть любовь в ваших глазах, а сами вы должны быть прежде всего терпеливыми...»

На си и ж к: шестилетний Таллиш Арнольд, одобривший тренера, вылез уже вполне самостоятельно.

«ЛАЙФ», США

4.

Боле ста лет тому назад, 20 сентября 1870 года, войска Джузеппе Гарибальди вступили в Рим. Политическая мощь государства Ватикана, которое до этого занимало пятую часть Апеннинского полуострова, была окончательно подорвана. Однако это церковное

государство сохранило и столетие спустя свою огромную финансовую силу.

О ней западная пресса пишет значительно меньше, чем следовало, о позиции Ватикана по отношению к новому итальянскому законодательству о разводе. А между тем многие критики верты считают, что именно Ватикан является крупнейшей финансовой силой в современном капиталистическом мире. Материальные ценности, которыми владеет государство католической церкви, приблизительно выражаются суммой в десять миллиардов долларов. Правда, Ватикан страдает не только от него таксого огромного состояния. Но вот факты, приведенные в недавно изданной книге итальянского журналиста Нино Ло Белло «Золото Ватикана».

Церковники обладают акциями на сумму 5 миллиардов долларов. Также ведущие итальянские банки «СИА», «Висконти», «Италмонта», «Итагас», контролируются Ватиканом. Для справки: первая фирма производит 70 процентов всех синтетических тканей в стране, вторая 37 процентов цемента, третья снабжает газом 36 крупнейших городов Италии. Все это гигантское состояние управляется с помощью ватиканского «банка святого духа», который держит контрольный пакет акций.

Благодаря тому, что Ватикану предоставлена исключительная свобода финансовых операций и что его банку принадлежат 15 процентов всех акций в Италии, государство также имеет право ожидать от 10 до 15 миллионов долларов. Само собой разумеется, Ватикан имеет возможность оказывать не только политическое, но и экономическое давление на итальянское правительство.

«НПН», ГДР

5.

Америка задыхается от фальшивых денег. Призыв «Делай сам», столь популярный в США, захватил и сферу производства долларов.

При нынешней технике офсетной печати за какой-нибудь узкий лист заумощнения, не напечатан, может напечатать два миллиона. И вот в пятину немером по всей стране — от Лос-Анджелеса до Далласа и от Нью-Йорка до Сан-Франциско — фальшивомонетчики засучивают рукава. Правда, нечасто таких денежных кредиток не безучастно, но если их полты кофее или соком шпината, то все будет в порядке: кто в свинске станет проверять деньги на текстуру, водонепроницаемость и т. д.?

Если во время Эвэнсагуара в обороте находилось 250 тысяч фальшивых долларов, то за минувшие десять лет только в одном Лос-Анджелесе конфисковано более чем на 8 миллионов поддельных денег. Всего же с июля прошлого года в США выхито на 18,5 миллионов фальшивок, причем эксперты считают, что в обращении осталось еще столько же. ФБР зарегистрировало около четырех тысяч разновидностей фальшивых долларов, некоторым из которых уже горюк лет.

«ЗНС УИЛ МЭТЭНИ», США

6.

Одна из французских туристических фирм предоставляет своим клиентам возможность не только ходить по улицам Парижа, но и... поплавать на лодке под ними.

Известно, что в столице Франции существует сеть подземных каналов общей протяженностью в две тысячи километров. В некоторых из них текло вода до вполне чистого мела. Именно так предпринимательская фирма организует туристам поездки на лодках в сопровождении квалифицированных гидов, которые рассказывают во время таких экскурсий интереснейшую историю парижских подземелий.

«УНЗЕРГЕ ЦАЙТ», ФРГ

8.

В разных странах мира уже было немало случаев, когда электронно-вычислительная машина давала совершенно адекватический ответ на вполне серьезные вопросы.

Недавно подобная история произошла в Англии, где руководитель ста конкурирующих фирм обратился за помощью в IBM, спросив ее, какие компании на Британских островах наиболее стойко выдерживают нынешние экономические потрясения и остаются самой надежной для акционеров и в будущем.

Компьютер уверенно заявил: «Роллс-Ройс!» О выкритерии этой фирмы только что написала пресса всего мира...

«ИФЮШАТИ МАТАЗИН», ВЕНГРИЯ

10.

Гостица «Эля Парора» на базоте испанского курорте Альбуфер. Двое запреты до черны мужичи предъявляют голландский паспорт, один — на имя Херштейна, второй — на имя Фюшберга. Гостики отводятся веровой попер на велаток этапе.

Вскоре бо постолыля прилекют внимание прессы, и в «Пилоражу» начинается нелегочичесто журналистов. Фюшберг не скрывает от репортеров того факта, что долгое время он провел в Африке, а в частности в Конго, в качестве наемника различных империалистических государств. Херштейн более сдержан: «Что было, то было. Выход свободный день».

Сегодня же оба они занимаютсся вербовкой новых наемниковкартелей на службу расистским режимам в Африке. Они представляют фирму «Шаланди», названную по злоголеку серии передач американского телевидения о наемниках: «Холодный мужиче, который любит богатую собствяную жизнь и большую сумму в банке. Гривать тысяче долларев в год, месячный отпуск. За каждую акцию выплачивается вознаграждение: половина ставки — до выполнения задания, половина — тридцать дней спустя».

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

11.

Открываются ворота — и появляется некое исчадие ада, которое прыгает, бьется и пытается бодаться. А человек должен совершить невозможное: восемь секунд продержаться на взбешенном быке...

Наконец, четвероногий мейстор сбрасывает всадника на песок. Воздух сотрясает аплодисменты зрителей, потому что парей, который сейчас встает и отряхивается, совершенно невредим.

На Кубе часто устраиваются подобные спектакли. Дело в том, что в народных именах и кооперативных животноводов приобретают определенные навыки и усмирения животных и часто демонстрируют свое мастерство в соревнованиях по весьма своеобразному виду спорта, который называется родео и у которого здесь издавна многожество поклонников.

На Кубе теперь создаются специальные школы родео, где учащиеся, помимо спортивных дисциплин, изучают животноводство и получают диплом техника. В настоящее время ведется подготовка к национальным соревнованиям по родео. Они будут проходить на новой площадке, которая строится в парке имени В. И. Ленина, на окраине Гаваны. В программе чемпионата, помимо главного номера (всадник — вакееро должен восемь секунд продержаться на спине быка), есть и такие номера: борьба быка на лошади, алая борьба с помощью лассо и пр.

«НУБА»

7.

По переписи, проведенной весной этого года, население Индии составило 446 823 843 человек. Эти цифры вызвали известный оптимизм у индийских демографов. Дело в том, что, хотя за последние десятилетия население страны с точки зрения европейцев выросло гигантски — на 100 миллионов, все же его общее количество на 70 миллионов человек меньше уровня, предсказанного специалистами. Усилия правительства Индии по контролю за рождаемостью дали свои плоды. Проблема, как известно, заключается в том, что прирост национального дохода сводится на нет бурно растущим населением. В свое время западные журналисты шумели о «демографической бомбе», которая должна до основания потрясти такую страну, как Индия. Однако они не учли широкой программы правительственных мер, направленных на ограничение рождаемости. Правительство Индии Ганди не раз выступало по радио и телевидению на тему разумного регулирования рождаемости. На городских и сельских улицах страны нередко можно услышать агитационные процессы с плакатами, которые популярно разъясняют ненужность гигантского роста населения в стране. Знакитимные средства были выделены на повышение культурного уровня народа. Сейчас, например, 29,25 процента индийцев умеют читать и писать. В штате Керала — 60,16 процента, что на 5,32 процента больше, чем было десять лет назад. И это при условии того, что ежегодно население Индии вырастает в среднем на 10 миллионов и что на обучение такого количества людей требуется минимум 100 тысяч учителей!

«ЛИНК», ИНДИЯ

9.

Голодный, оборванный, изъеденный насекомыми и опрысканный ДДТ — таков обихий портрет обитателя итальянских сиротских домов. Возраст воспитанников — от 3 до 16 лет.

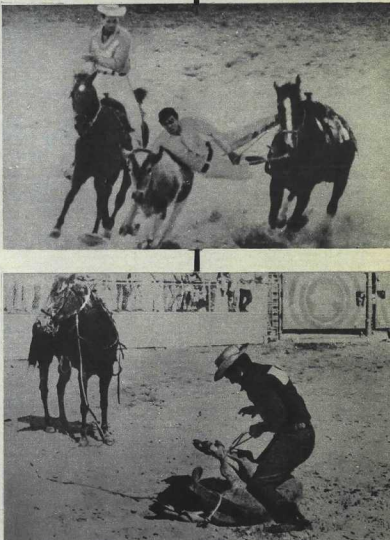
Для их назавания «воспитатели» пользуются земной ледяной душой. Пища, как правило, готовится на кухне и кроветя или подают в тесный подвал. Немало таких детей инцидентует на улицы.

После того, как в последние дни стал известен ряд случаев прямой физической расправы над воспитанниками в сиротских домах, группа депутатов-коммунистов в парламенте потребовала расследования этих дел.

Выяснилось, что и те сиротские средства, которые государство отпустило на содержание беспризорных детей, расхищались, и даже использовались нечестными коммунистическими партиями (в первую очередь демократическими) для ведения своих предвыборных кампаний. Мало того, это наследство сохранилось с ведома руководства национальной организации по охране прав детей ребенка, в результате чего к суду теперь пришло много бышлых и старых христианских демократ Петруччи.

Специальная комиссия установила также, что многие приюты оказались фиктивными, а другие, напротив, негалавны. С 1926 года в Италии не построено ни одного детского дома, существующие сегодня приюты могут принять 600 человек, хотя в общественной опеке нуждается около трех миллионов ребят.

«ВРТА», ИТАЛИЯ

МЕСТО МЮЗИК ХОЛЛА

кально-танцевальную эстраду. Может назвать это новым веянием в мюзик-холле.

В Москве, на площади Маяковского, если встать лицом к памятнику Маяковского, то слева, рядом с Коендуртым залом имени Чайковского, будет современный фасад Московского театра сатиры. До перестройки здесь был зал, который использовался в разное время по-разному, в 20-х годах он назывался «второй Московской гос. цирковой» [сейчас состоит из одного кинофильма и нескольких цирковых номеров; аккомпанировал тому и другому «диригент-мюзик-стратор» Валентин Кручинин, впоследствии известный советский композитор-песенник].

В этом зале возник некогда еще один мюзик-холл—представление, сочиненное Федором Каверинным: «Как 14-я дивизия в рай шла». Имя автора само говорит о содержании спектакля—это была пылая агитка, антивоенная, антирелигиозная; подробных описаний спектакля я не встречал, но и без описаний ясно, что от старого мюзик-холла здесь осталось только название (то есть была предпринята попытка «советизировать», как тогда говорили, некое театральное-эстрад-

ное предприятие, оставшееся от проклятого прошлого и обстуживавшее изданных и прочих обывателей), и вместо соблазнительных герлс перед публичкой дефилировали русские мужики в солдатских шинелях—опытный народ с германского фронта. Обыватели, конечно, от такого мюзик-холла воротили нос, но и советская общественность отнеслась к этой перестройке критически. Ильф и Петров смешно описывали, как тридцать мюзикхолльным девушкам выдали «малпленные чоботы» и широченные Брюны, замаскировав таким образом волшебную линию ноги, и теперь во время танца со сцены доносится сдвоенные рыдания, а публика думает, что рыдания— это шутки» Касьяна Голыязовского...

Однако смех смехом, а вот мы в дополнение к Брехту получили еще одно имя, в некотором роде не менее значительное—Касьяна Ярославича Голыязовского, выдающегося балетмейстера, создавшего свои первые хореографические миниатюры еще до революции, а в последние десять лет переживший вторую молодость и новый взлет славы—и в

большом балете и в области эстрадного танца. Что бы он ни делал, и, в частности, что бы он ни делал в мюзик-холле (балетный словарь Стурдича очень строгий и лаконичный, фиксирующий только самое существенное, отмечает среди постановок Голыязовского: «...эстрадн. интермедии и сцены в мюзик-холле: танцы «герлы», «Испанские танцы», «Женские танцы» — композитор И. Дунавский — и др.»), это всегда было оригинальным творчеством, раскрывавшим собственное художественное искусство.

Поэтому, не вдаваясь глубже в историю, можно наскоро сформулировать два незначущих определения мюзикхолльности: во-первых, это туманная и в общем малопонятная

СВАДЕБНЫЙ ТАНЕЦ «КАРТУЛИ» НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ — НОННА ДИЗЕНБАДЗЕ.

...А ЦЫГАНСКИЙ ТАНЕЦ — РАЗНОЦВЕТНЫЙ ВИХРЬ ШАДОВ И СТРАСТЕЙ — ЭТО УЖЕ ВСЕШЛАГЕТ.

ЦЫГАНСКИЕ ПЕСНИ ПОЕТ ВАЛЕНТИН БАГЛАЕНКО...

ФИНАЛ МАЖОРНЫЙ, ЯРКИЙ ФЕЕРИЧЕСКИЙ — МЮЗИК-ХОЛЛ КАК МЮЗИК-ХОЛЛ...

традиция «мишуры и сверлящих танцев», которую за последние лет можно объединять с традициями «караштанной» и «кабаретной» [разница в масштабах зрелища: мюзик-холл — это не что-то «кабаретное», кабаре — нечто «интимное»]; в последние сферы приложима новаторских поисков и всевозможных быстрых «короткометражных» экспериментов. В первую очередь — музыкальных и танцевальных, но в какой-то степени и литературно-драматических, с прицелом на зрелищность и остроту. Любили нового театральную форму драматического жанра, пришедшего на смену оперетте — мюзикла (Вест-Сайдская история), «Оливер», «Моя прекрасная леди», «Дважды два», «Кот в шляпе». Т. д. — светские опыты в этом жанре, даже удачные, не получившие пока той известности: «Недоросль» идет только в Саратов, «Тели» — только в Московской опере, «Старик», «Бремские музыканты» — только в Ермоловском. — эти любители знают по пластинкам, радиопередачам и рассказам, в прессе — журналистские спектакли демократического лондонского театра «Орхисон» под названием «Ах, эта милая война». Это именно спектакли, мюзиклы, а не полное драматургически законченное. Между тем «свояго действия» там нет, а есть монтаж песенной эпохи первой мировой войны и песен, сочиненных о второй мировой войне. Авторы выходят в костюмах традиционного театрального персонажа Пьеро (черное платье с большим белым помпоном) и по ходу представления какой-нибудь деталью — каской, надетой на голову, ружьем, взятым в руки, — дают понять, что они сейчас танцуют. Там что же в зрелище сказать об этом спектакле? Что не только весь его склад «мюзикольный», но что все это есть прямое продолжение того странного мюзик-холла, который мы устали видеть на Большой Садовой по сценарию Дельны Бедной: «Как 14-я дивизия в рай шла». Лондонская «Милая война» — это та же риторическая «литература» в эпизоде «Рождество в окопах» — и антирелигиозная.

Наша эстрада пока еще присматривается к мюзик-холлу, возмущается, открывает появление новых жанров и модернизацией старых. Вот старейший эстрадный куплетист Илья Мабатов пишет в «Известиях», что пора бы ставить на эстраде политическое обозрение. Возможно, он имеет в виду не то же, что я, и я и сейчас надо. На эстраде сложилось много таких видов, которые все нет-нет, но вот снова появились после длительного перерыва мюзик-холл в Москве, Ленинграде, Казне, где то промелькнул чей-то четвертый — забыл, чей. То иногородие, что я видел у москвичей и ленинградцев, дает, как сказано выше, ощущение мюзикольности. И это, конечно, не малое достижение: ведь сколько мы видели эстрадных представлений и обозрений, которые ничего не представляют и не обозревают, а просто кое-как обстрают обычную сборную программу. Но «мюзикольность» эта не «вторая», связанная с новаторским экспериментальным и поисками полноты и художественной свободности, а «первая» (я предположил, что определенная моя неучастия, так что не придирайтесь), восходящая к потерянной традиции и «мишуре».

Жаль, конечно. Однако иначе и быть не могло. Второе должно, очевидно, идти после первого, а первое было забыто, и только в последние новации следовало его вспомнить.

Вспомини. Основу нашего мюзик-холла снова составляет женский балетный ансамбль, те самые традиционные перемены, на которых когда-то ополчились высшие органы и Петровым ханжи. На их фоне (на фоне танцующих девушек, а не танжир) предстали разные номера. Значить по традиции должна как-нибудь прославленная звезда, «звезда», но звезд, как известно, в наше время много, а звезд для знаменитости выступают с собственными сольными концертами, и мюзик-холл должен обходиться артистами рангом пониже (но, разумеется, не талантом пониже). В смысле единичности — это не одно и то же), подавая их, однако, на «звездном» уровне. Когда я смотрел первую программу Ленинградского ансамбля, весьма одаренная молодая певица, вполне годившаяся в «звезду», но подать ее с традиционным блеском эстрады тогда не смела, и, возможно, это пробел восполнен. Вообще же тут в «проблеме блеска», мюзик-холл еще до всяких экспериментов столкнулся с одной непривычной трудностью. Блеск не получается. Прошло его время. Желание возродить «мишур» [слово это не ругательное: онописи ругать тоже «мишурой», и в смысле «мишур» эполит и подраывает современным вкусам. Удастся сделать отчужденную имитацию блеска, намека на роскошь, стилизацию, блеск, и только. Подлинности, первичности уже нет.

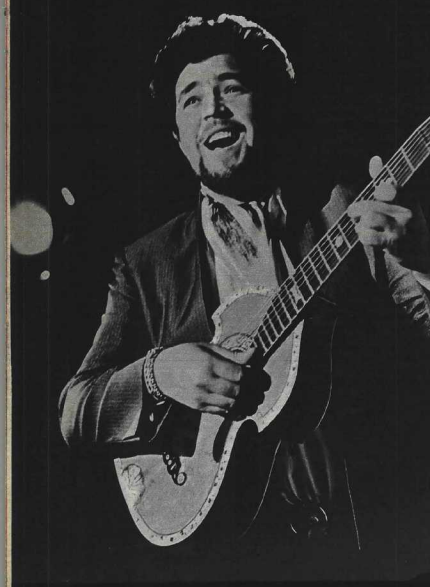
И в каком искустве, ни в каком жанре не достигается ни единство, ни законный тон. Как он может быть предельным, навсегда инимому человеку. Живое искусство, как и живой человек, пригибается к окружающей, приспосабливается и сдается само, ищет и составляет. Но мюзик-холл — это самостоятельный вид эстрадного театра, он будет развиваться по своим внутренним законам и полюбившимся формам, а не туде новых танцев. Если же мюзик-холл — декоративно-танцевальная рамка для показа самостоятельного существующего номера, то он будет существовать и за счет этих номеров, а не за счет состояния нашей эстрады в целом. В обоих случаях, как говорит в спорте победит сильнейший.

— А читатель не стигит, не читает и думает: ну, чего тут мудрить! Милые девушки танцуют, красивые декорации блистают, легкие песни, легкая музыка, легкая форма, легкая постановка; кому какое дело, как это было раньше и куда пойдет в дальнейшем, если сейчас у меня от этого хорошего настроение, да вот, говорю, и у бразильцев такое...

Такое рассуждение справедливо. Но, дорогой читатель, меньшее и ты, и это иногда со стороны кажется, чем ты сам. У меня и сейчас ты кисло улыбаешься от шутки, которые раньше смехили тебя до слез. На моих глазах провалились, разлагались программные и олимпийские светлячки — провалились у того зрителя, на которого были рассчитаны и которым пришел в зал добротный, заплатай театр. Зато танжирки. Пока тебе шуют платье по твоей точной мере, оно уже становится тебе тесно. Тебе нужно шить measure.

Патрих, что тот же мюзик-холл, покончив с олядарью на прошлое, восстанавливая традицию на столбик, но сколько она способна восстановиться, помобавившись собственными красками и позабывая оттого, что без косметики она никак не наводится, должен будет двинуться куда-то дальше. Все равно, в качестве театра или в качестве ансамбля. Это горю, что все смешалось и перепуталось в традиционных определениях эстрадных жанров. Зато эстрадность проинирует в серьезный театр. Зато танжирки и дуговое напряжение серьезного театра меняют общий тонус всяких иных зрелищ и вносят новую ноту танже и в эстраду.

Поэтому, как искусство все больше входит в жизнь, жизнь все больше вводит в искусство.

режде всего, Геннадий Петрович, видимо, не много знает о существовании Международного института космического права. В чем суть его работы? — Институт создан был в 1960 году при Международной астронавтической федерации. Постоянное месторезидирование института — Париж.

Основные задачи такого учреждения — организовывать и проводить международные коллоквиумы по космическому праву в рамках ежегодных международных астронавтических конгрессов.

— Кто участвует в работе института?

— Юристы более 50 стран. Каждый из них специализируется в области международного космического права.

— А руководит деятельностью института...

— Совет директоров — пятнадцать человек от пятнадцати стран. Члены совета избирают президента (с 1964 года им является крупный ученый-юрист, профессор Эжен Телен), двух вице-президентов, казначея и секретаря. Совет заседает дважды в год — весной и осенью. Весной мы от-

— А как же! Ведь Договор 1967 года запрещает на Луне любую военную деятельность. Луна, как и другие небесные тела, можно использовать исключительно в мирных целях. Что касается космического пространства в целом, то на него такой запрет не распространяется. Понад космосе прямо запрещено лишь размещать объекты с ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения. Уже из этого видно, что спор о статусе космического пространства носит далеко не отвлеченный характер.

— Командиры почти всех космических кораблей, которые отправили СССР и США, как известно, люди военные. Чем это можно объяснить? — Чисто практические соображения. Каждому должно быть ясно, что именно мужество, выносливость, подготовка и выучка военных летчиков и выдвинули их в отряд космонавтов. В то же время мирный или военный характер деятельности вообще, и на Луне в частности, зависит не от того, кто осуществляет такую деятельность — гражданский или военный, а от цели, которая преследуется в каждом отдельном случае. Ведь никому же не придет в голову назвать милитаристской деятельность военного летчика, ко-

— В Договоре о космосе 1967 года четко зафиксирован принцип свободного доступа к Луне всех государств. Но как практически его реализовать? Предусматривает ли этот принцип только доступ на Луну космическим объектам? Или он подразумевает еще и создание на ней станций? Возникают и другие вопросы, а именно: могут ли государства пользоваться естественными богатствами Луны? Если да, то могут ли государства использовать и перерабатывать естественные ресурсы Луны для местных нужд и какие из них можно вывозить на Землю? Все эти вопросы ждут ответа уже сейчас, но в Договоре о космосе 1967 года на них нет прямого ответа. В советском же проекте подробно говорится о праве государств осуществлять свою деятельность по исследованию и использованию Луны в любом месте ее поверхности, в ее недрах и в околонуноном пространстве, о праве государств создавать на Луне станции как обитаемые, так и необитаемые.

— Правда, в советском проекте Договора о Луне, как и в Договоре о космосе 1967 года, ничего не сказано о праве государств использовать естественные ресурсы Луны. Тем не менее можно утверждать, что право государств создавать на

Бурное развитие суборбитальной пришло в свое время к возникновению международного морского права. В прогрессам авиации возникло воздушное право. Освоение космоса вызвало к жизни новую отрасль международного права — КОСМИЧЕСКОЕ. Как же проблемы решают юристы в этой сфере правового регулирования?

ределяем программу очередного международного коллоквиума по космическому праву, который обычно проходит осенью.

— Какие международные документы по космосу действуют в настоящее время?

— Вообще-то их много, но, пожалуй, основной — это «Договор о принципах деятельности по использованию и исследованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». Документ государства подписали 27 января 1967 года, в ям в том же году он вступил в силу. Можно упомянуть и «Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении космических объектов», которое было подписано 22 апреля 1968 года.

Инициатива в разработке упомянутого соглашения принадлежит Советскому Союзу. Напомним, что недавно наша страна заявила еще один шаг в этом направлении. Советский Союз предложил рассмотреть на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О разработке международного договора о Луне». Проект Договора был опубликован в «Правде» и «Известиях».

— Что нового в нашем проекте по сравнению с действующим Договором о космосе от 1967 года?

— Он конкретизирует и развивает положения Договора о космосе 1967 года с учетом специфических условий будущей деятельности государств на Луне. В этом плане особого внимания заслуживают те статьи советского проекта, где говорится о запрете размещения на Луне и в военных целях. В советском проекте Договора предлагается также установить единый правовой режим для Луны, ее недр и околонуноного пространства. В ныне действующем Договоре о космосе об этом ничего не говорится, хотя в научной литературе по этому поводу высказались разные суждения. Один рассматривал правовой режим околонуноного пространства в качестве составной части правового режима всего космического пространства. Другое склонялось к повлу распространения на него правового режима Луны.

— Разве это имеет какое-нибудь практическое значение?

КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

торый помогает при наводнении, землетрясении, пожаре спасти мирных жителей.

— Американские страны неоднократно выдвигали на поверхность Луны свои флаги. Значит ли это, что США имеют на Селену какие-нибудь права?

— В свое время вопрос о том, можно ли захватить Луну и что для этого нужно, усмешливо обсуждали американские юристы. Ныне этот вопрос больше не дискутируется. Согласно Договору 1967 года, Луну нельзя считать национальной собственностью того или иного государства. Поэтому флаг США на Луне имеет чисто символическое значение, без каких-либо юридических последствий.

— Означает ли это также, что Луну в целом нельзя передать международной организации, отдельные участки на ней — в собственность частным лицам?

— Дело в том, что формулировка Договора 1967 года запрещает национализировать ресурсы Луны, дала пищу для различного рода крикливок среди юристов на Западе. Один из них доказывал, что следует передать Луну ООН или какой-либо другой международной организации, другие предлагали даже создать для этой цели специальное Международное агентство; одновременно они обосновывали правомерность приобретения лунных участков в частную собственность. В начале 60-х годов в США организовали даже продажу отдельных участков на Луне.

— Нам представляется, что для таких выводов нет каких-либо серьезных оснований. Однако важно раскрыть любые сомнения на этот счет. Именно поэтому в советском проекте Договора о Луне говорится о том, что поверхность и недра Луны не могут быть собственностью государств, международных организаций и отдельных лиц. Советский проект идет значительно дальше Договора 1967 года и тогда, когда говорит, что размещение на поверхности или в недрах Луны аппаратов по освоению, включая строительство сооружений, неразрывно связанных с поверхностью или с недрами Луны, не создает права собственности на участки поверхности или недра Луны.

— Что в таком случае можно делать на Луне?

Луне станции само собой предполагает и право пользоваться естественными ресурсами Луны, то есть на Луне можно вести разведку, добычу и разработку минеральных и других ресурсов, а также использовать и перерабатывать их для местных нужд или же вывозить на Землю.

— Вы сказали, что доступ на Луну открыт для всех без исключения государств. А как быть, если одна страна действует на Луне в ущерб другой?

— Прежде всего нужно с уважением относиться к правам других на Луне. Так, создание на Луне станций одной страны не должно мешать свободе доступа во все районы Луны другим странам. В свою очередь, страна, запускающая космические объекты на Луну, не должна создавать помех для деятельности на Луне других странам. По всем спорным вопросам заинтересованные страны должны консультироваться друг с другом.

— Ну, а все-таки, если возникает конфликт: например, космонавты одной страны усмешливо сломают корабль или научную станцию другого государства?

— Такие действия не исключены. Договор о космосе 1967 года устанавливает, что в подобном случае государство, принявшее ущерб, должно нести международную ответственность, или, другим словом, должно возместить ущерб. А если ущерб причинен случайной? Надо ли в подобной ситуации возмещать его?

— Вопрос интересный, и Договор 1967 года не дает на него ответа. Я же считаю: если государство, виновное в таком ущербе, докажет, что с его стороны были приняты все меры предосторожности и налицо лишь простая случайность, то ответственности не возникает. Именно такой путь решения предложен в советском проекте Договора о Луне.

— На Луне без пользы лежит много самых различных предметов, в том числе и часть довольно дорогостоящего снаряжения, которое доставили на Луну американские астронавты. Следует ли считать, с точки зрения юристов, что у этих вещей нет хозяина? Имеет ли право другая страна использовать для своих нужд это оборудование — вернуть его на Землю, сломать, разрушить?

— Покинутое оборудование или же целая космическая станция остаются собственностью того государства, которое доставило его на Луну или там его соорудило. Ничемным все это будет лишь в том случае, если государство-владелец сдает на этот счет ясное заявление.

— Геннадий Петрович, а как же, по-вашему мнению, правовые вопросы могут возникнуть по мере дальнейшего освоения Луны?

— Заранее их трудно предвидеть, однако уже сейчас ясно, что суровые и необычные условия, с которыми неизбежно сталкивается человек на Луне, потребуют там самых широких контактов и сотрудничества между представителями различных государств.

Наверняка, например, придется строить и эксплуатировать посадочные-злетные площадки, распределять энергетические ресурсы, помогать друг другу в случае бедствия или аварии. Со временем придется регулировать, конечно, все эти взаимоотношения.

Прежде всего законам какой страны должны подчиняться иностранные граждане, попавшие, например, на советскую лунную станцию? В Антарктике все решается на основе так называемой личной юрисдикции над своим гражданином.

— В чем же все-таки сложность этой проблемы?

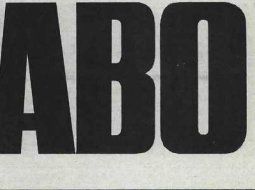
— Она возникает с самой постановкой вопроса, а именно: следует ли устанавливать высотный предел распространения государственного суверенитета в надземном пространстве? Если следует, то на какой высоте?

В научной литературе выдвигались самые разнообразные критерии. В одних случаях сфера действия государственного суверенитета отодвигалась с земной атмосферой, в других — с высотой, которую могут достичь воздушные летательные аппараты, или с высотой, на которой возможен свободный полет искусственного спутника Земли. Некоторые юристы отождествляли сферу действия государственного суверенитета с пространством, которое государство могло бы контролировать наиболее эффективным способом. Были предложения определять высотные границы сферы земного притяжения (то есть знало и лежит индийский космический пространств). Иные критерии физического или технологического характера, чтобы решить эту проблему, оказались очень трудно. Таким образом, предстоит еще попутиться как ученым, так и дипломатам.

Среди документов, которые регулируют ос-

американцы спешно готовят, второй космический корабль. Он должен как можно скорее подойти к французскому Прутцу и соединиться с его машиной. В это время с Байконура стартует советский космический корабль. Его пилотирует полковник Андрей Яковлев. Цель полета — спасти американского коллегу. И вот начинается завывающая операция. Яковлев вылетел на орбиту Прутца. Американцы тоже спешат. Второй космический корабль во что бы то ни стало должен опередить русского. С миссией Кеннеди корабль подлетает точно между советским космонавтом и американским астронавтом. Яковлев понимает, что американцы готовы все сделать самостоятельно, а потому решает занять пока место наблюдателя. Тут последние минуты жизни Прутца. Сейчас начнется прононби стюльков. И тут три корабля входят в тень Земли. В самый ответственный момент Яковлев включает прожекторы своего корабля — это и нужно сейчас американским астронавтам. Корабли стыкуются, Прутц спасен! Возможно ли это? Конечно. Уже существуют подобные проекты. Есть и предложения запустить целые спасательные станции: с запасами продуктов, горючего, необходимых деталей и механизмов...

На вопросы специального корреспондента «Смены» Евгения МЕСЯЦЕВА отвечает завучей кафедрой правовых наук Высшей Дипломатической Школы МИД СССР, вице-президент Международного института космического права, доктор юридических наук профессор Г. П. ЖУКОВ.

К примеру, польский ученый, работающий на советской научной станции в Антарктике, поднимает вопросы закона той своей страны. На Луне ситуация, очевидно, будет иной. Государство, создавшее на Луне станцию, в силу своей особой ответственности за все, что происходит там, очевидно, должно будет требовать соблюдения своих законов не только от собственных граждан, но также и от граждан других стран, находящихся на его лунной станции. За пределами же станции будет действовать исключительно личная юрисдикция. В случае возникновения спора стороны должны будут консультироваться между собой для достижения взаимоприемлемого решения.

— Геннадий Петрович, мне, видимо, пора вернуться на Землю: здесь все-таки начинаются все без исключения космические проблемы. Возникает вот какой вопрос. Как известно, каждое государство осуществляет полный и исключительный суверенитет в пределах воздушного пространства над своей территорией. Может ли одна страна запретить другой полеты космических объектов над своей территорией?

В настоящее время нет какой-либо юридической нормы (правла), которая определяла бы, до какой высоты государство осуществляет полный и исключительный суверенитет над своей территорией. С другой стороны, универсальный принцип свободы исследования и использования общего космического пространства. Первоначально высказывались опасения, что государства могут заявить протест относительно космических полетов над своей территорией. Однако этого не произошло, и сегодня существует твердое убеждение, что космические полеты над территорией других государств в мирных, научных целях не нарушают суверенитета. Поэтому нет никаких оснований говорить о праве какой-либо страны запретить полет иностранных космических кораблей над своей территорией. Во всяком случае, вопрос этот под названием «пределы действия космического пространства» фигурирует в повестке дня Юридического подкомитета Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. Проблема эта весьма сложная и деликатная. Не случайно по ней высказываются самые противоположные мнения.

воение космического пространства, есть и Соглашение о спасении космонавтов. Как должны поступать государства в том случае, когда космонавт вместе с кораблем приземлился на чужой территории?

— Соглашение, которое вы упомянули, обязывает немедленно сделать все для спасения космонавтов. При этом власти, организовавшие поиск и спасение, должны сообщить государству, которому принадлежит этот корабль, и Генеральному секретарю ООН о том, что делается и сделано для спасения космонавтов.

— Ну, а если космический корабль сядет на территорию страны, где нет средств поиска и спасения?

— По упомянутому соглашению, государства обязаны договориться и вести спасательные работы под руководством и контролем той страны, на чьей территории приземлился космонавт.

— А как быть, если космонавты совершат вынужденную посадку на инейной территории: в океане, в Антарктике?

— В этом случае можно рассчитывать на помощь любого государства.

— Должны ли космонавты в случае аварии помогать друг другу так, как, например, это делают экипажи морских кораблей?

— Безспорно, зато вряд ли пока можно сравнивать маневренность космических кораблей и тех, что плавают по морям. И все же успехи последних полетов в космосе — стыковки, приращение — открывают большие возможности для успешной взаимопомощи и в космосе. Я позволю себе сослаться на весьма приближенную к реальности историю, связанную со спасением американского космонавта Майора Ричарда Прутца — героя фантастического романа Мартина Хайндина «В плену орбиты». Автор, в прошлом доцент военинженерной школы, а ныне участник разработок американских космических программ, описывает подготовку американских астронавтов, запуск кораблей так, как это есть на самом деле. В романе такая ситуация: у астронавта не работают тормозные двигатели, он не вошел в плотный слой атмосферы. Запасы кислорода на его борту ограничены. Человеку придется погибнуть. И вот

Предполагая, что в момент запуска космического корабля ли руководитель программы, ни кто-либо другой не знали, что неожиданно и сильно повысилась радиоактивность Солнца. Но об этом стало известно в другой стране. Есть ли положение, которое обязывает государство сообщать друг другу о подобных опасностях?

— Договор о космосе 1967 года обязывает незамедлительно информировать друг друга о всех возможных опасностях в космосе.

— Были ли случаи, когда государства обменивались подобной информацией?

— Пока нет... — Космический корабль приземлился на чужой территории. Какова судьба его экипажа? — Ему обязаны оказать всестороннее содействие и помощь для быстрого возвращения на родину.

— А что будет с самим кораблем и прочим оборудованием?

— Об этом мы возвратимся.

— Задать не никаких исключений?

— Кроме тех случаев, когда это беспилотный космический объект. Если государство хочет получить свой объект или его часть, следует сделать официальный запрос, приложить к нему описание этого корабля или его частей, а также понести те расходы, которые были затрачены на их поиск и транспортировку.

— Существуют ли у космонавтов международные сигналы бедствия?

— Старый сигнал «Спасите наши души, который космонавты могут передавать на специально отведенных радиочастотах.

— Как известно, существуют гипотезы, по которым человеческий космос не одинок во Вселенной. Но за этот счет думают специалисты по международному космическому праву!

— Вполне возможно, что посланцы Земли когда-нибудь и встретят разумных существ. Чем основаны такие контакты? Судить пока трудно. Однако я не исключаю, что люди и ТЕ существуют, но быстро поймут друг друга. Если эти отношения станут постоянными, нужно будет разработать нормы нового межпланетного права, которое могло бы регулировать взаимоотношения между обитателями различных планет.

Клиффорд САЙМАК

РОМАН

ЗАПОВЕДНИК ПОБЛИЧОВ

В таком случае,— заявил Шарп,— будьте добры встать в очередь. У меня есть к доктору Максвеллу кое-какое дело и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли,— терпеливо сказала Дрейтон.— Я пришла сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — это всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь нужна мне в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому и отправился к ней.

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп.— Ну при чем тут Нэнси Клейтон?

— Правно, не знаю, Харлоу,— сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета.— Я всегда старалась избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают мои друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — возмущался Шарп.— Объясни сначала, что, собственно, произошло. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И...

— Из-за Ламберта,— сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала,— ответила Нэнси.— Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборозженным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он.— Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли вы и мне принять участие в вашей беседе?

— Вы Ламберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт.— Надеюсь, я вам не помешал. Но со мной приключилась большая неприятность.

— Только с вами одним? — осведомился Шарп.

— Правно, не могу сказать, — сказала Ламберт.— Вероятно, неприятности приключались со множеством людей. Однако для каждого в подобном случае вопрос ставится просто: как найти выход из положения?

— Потенциейший! — воскликнул Шарп.— Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашёл? — спросил Максвелл у Шарпа.— Он являлся именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — адержался бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделиться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор,— сказал Шарп,— ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без нас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погудите минутку,— потребовал Шарп.— Вы лезете без очереди.

— Харлоу,— перебил Максвелл,— я же тебе уже объяснял. Не далее, как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? А, да! — Шарп посмотрел на Ламберта.— Вы тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— Каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине хома. Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не видел. Но, наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть, несомненно, моя. И хотя не мне бы это говорить, а ведь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давай! — удивился Ламберт.— Впрочем, я так и полагаю. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Ведь вы путешествовали во времени.

— Беда в том,— объяснил Ламберт,— что встройка времени закартрицичала. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп.— Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставила. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове! — взвизгнул Шарп.— Машина времени в голове? Но это же какой-то новый принцип. Мы пропал мимо него.— Он повернулся к Ламберту.— Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления,— ответил тот.— Мне известно только, что с тех пор, как эту штуку засунули мне в череп—весьма сложная была операция, могу вас заверить—я получаю способность путешествовать во времени. Мне нужно было подумать о том, куда я хочу поехать, использовать определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно блуждая, из эпохи в эпоху, причем совсем не в ту, в которую я хотел бы поехать. И вот, очутившись здесь, я решил, что этот город выглядит куда привлекательнее, чем многие из тех мест, куда меня занесло, и решил выводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти сразу узнал, что вы тут уже открыли путешествия во времени и в вас есть Институт времени. Потом я усамил, что у мистера Кейстон имеется моя картина, и рассудил, что в этом случае оно может отвести ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде на помощь. По-видимому, она была не так хороша, как вы думаете, потому что вы так много ее любите. А пока я беседовал с ней, пришла инспектор Дрейтон...

— Мистер Ламберг!— сказала Нэнси.— Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему, когда вы были в юрской, в юрском... ну, там, где, как сказала Харлоу, вы были и написали эту свою картину?

— Вы забыли,— прервала ее Ламберг,— что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскиз, и я надеюсь...

— Ну, хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не увидите в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что попали в какую-то древнюю эпоху полая, когда вы видели там динозавров.

— Я не написала динозавров по самой простой причине,— ответила Ламберг.— Там не было динозавров.

— Но вы же сказали...

— Поймите,— начал терпеливо объяснять Халлоуэн,— я пишу только то, что вижу, я вижу в них ничего не опущу. Я никогда ничего не вижу. А динозавров там не было потому, что другие создания, которые есть на картине, их расчленили. Я и не написала ни динозавров, ни прочее

чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово...

Откуда-то издали донесся глухой, нарастающий рокот, словно от быстро катящихся колес. Визвал оно раздавалось у самой двери, затем на пороге, и на пороге кабинета возник Колесник.

— Вот один из них!— взвизнула Ламберг.— Что он тут делает?

— Мистер Мармадюк,— сказала Максвелл,— я рада снова увидеться с вами.

— Нет,— сказал Колесник.— Не мистер Мармадюк. Так называемого Мармадюка вы больше не увидите. Он в большой немощности. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвер двинулся ввысь вперед, но Оп бросил протянувшую руку, ухватил его за запястье и не выпустил, как ни старался титронок вывернуться.

— Гумандон, известный под именем Харлоу Шарп, заключила устное по договору. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я,— сказал Шарп.

— В этом случае, сэр, я должен спросить вас: как вы думаете, выполните устное условие?

— Я ничего не могу сделать,— ответил Шарп.— Артефакт исчез и не может быть вам вручен. Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно,— сказала Колесник.— Далеко-далеко не достаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы путем против вас, милейший, в том же, чем мы расправляем. Мы сделаем все, чтобы вернуть вас в разорение, и...

— Ах, ты, самоходная тачка!— вдруг взорвался Шарп.— На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон неприложим к такому творению. И если вы вообразите, что можете являться сюда и угрожать мне...

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явившись накануне,— взорвался Оп серафим.— Где тебя носило всю ночь? Куда ты делал Шекспира?

— Был в безопасном месте,— ответил Дух.— Но у меня другие известия.— Рукав его одяжения комковался, указывая на Колесника.— Его сорвали и повесили в залованном топанном и асмет драконий.

Так, значит, несколько многого подумала Максвелл, она с самого начала охотилась именно за драконом? Значит, Колесник всегда знал, что в Артефакте скрывается дракон. И сам себе ответил: да, конечно, знает! Ведь это они сами вли в прежнее время на Земле в юрский период. В юрский период—на Земле! А в какие времена на разных других планетах? Астерид назвала их серыми, восклицаниями, рабочим скотом. Были ли они биологически роботами, которых создал Древние существ-

живет маленьким народцем, в надежде увидеть вновь своих соратников, паритиц в огромном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали Колесники, пытались прижать его к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но...

— Колесники не умеют летать,— перебила его Шарп.— И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадюк был единственно...

— Возможно, и считается, что они не могут летать,— возражал Дух.— Но вот летает же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и притаились, а может быть, по полному к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец!— воскликнула Максвелл.— Надо поставить в известность транспортников и...

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться.

— Мистер Мармадюк,— сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном,— как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите самоуправничать!— воскликнул Дух.— Маленькому народу нужна помощь.

— Максвелл схватила стул.

— Довольно дурчачиться!— сказала она, и, занесла стул над головой, обратилась к Колеснику.— Ну-ка, выкладывайтесь все наилучшим, иначе я вас размоку!

Внезапно из груди Колесника высутились напочевичи сода, и раздалась пронзительная шипение. В лицо им ударила невыносимая вонь, смрад, который был по жездуку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелла почувствовала, что падает на пол: тело перестало ему повиноваться и словно свисало в улам, парализованное зловонием, которое выбрасывала Колесник.

Над его головой раздался ужаснейший визг, и, прекратившись на бок, он ударил Сильвестра: внепешис передняя планка в вертикальную часть тела Колесника, титронок врал котами молочных задних лап пухлые прозрачные брови, в котором извивалась отравляющая масса белесых насекомых.

Колеса Колесника отчаянно вращались, с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое— в противоположную, в результате место Колесника вольком вертелось на месте.

Чуть-чуть ухватившись Максвелла за алохот и бесстрашно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он наконец глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелла против смеющихся газла. Вонь достигла и коридора, но тут все-таки можно было кое-как дышать.

— Прочтёте?— переспросила Максвелла.— О чем вы говорите? Что это было за прочтёте?

— Ну то, что вы только что ответили Ламбергу. Ни умах и обвоя взглядом сшамоальными аниа.

— Я сказала какую-то неволюсть?

— Нет-нет, что вы!— усложнила его Кэрро.— Продавайте, мистер Ламберг. Расскажите нам про это... на Колесике.

— Вы, наверное, не же поверите,— сказала Ламберг.— И я не могу вам объяснить, что они были такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинными, а живыми существами, но они переманились, не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну как предельнойрой или муравьиных. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, а не жуки,

ва? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

— То есть, пока вы стоите здесь и угрожаете мне,— говорила Шарп Колеснику,— выши балитесь...

— Уж он ничего не упустит,— вставил Оп.

— Дракон,— сказал Дух,— отпривалил в единственном радное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он ползает туда, где

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Мы набросем в него жуков, — поощила Оля. — Наберем целое ведро и выслепем в него. О'уа захлебывается от ярости. Его лицо пожелтело.

— Неужели! — взгляда он — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной быстротой и силой.

Его речь завывалась булькающим вздохом и воплем Крола:

— Сильвестр! Не смей!

О'уа, болтая руками и ногами, свешивался из пасты. Сильвестр коротко ударил по нему так, что ноги гобана не могли дотронуться до земли.

Он с хохотом повалился на пожухлую траву, колотил по ней кулаками.

— Ты умный, О'уа! О'уа — это мышка! — вошла подрастеряв. — Вы посмотрите на эту киску! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'уа очень осторожно, равно как и его товарища. Он боялся не сжать зубов, но огромные клыки не позволяли гобану выпряться.

Шари занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнул Крол. — Только поймайте! Шари в непереносимости сытства на одной ноге!

— Оставь, Хароу, — сказала Максвелла. — Пусть себе играет с О'уа. Он ведь так отчаялся — Лесте, жуков тебе в кабинет, что засадушка выпрыгнула хороша! — отчаялся О'уа. — Мы сварим им бочончик зла! Два бочонка!

— Три! — пиннула гобана из-под стола.

— Ладно, три, — согласился гобан.

— Без утайки! — спросил Максвелла.

— Мы, гобаны, никогда не унываем, — заявила О'уа.

— Ладно, Хароу, — сказала Максвелла. — Дай тигру хорошего пинка.

Шари снова занес ногу. Сильвестр отпрыгнул О'уа и попятился.

Из-под стола хлынул поток троллей, возбужденно воили, они кинулись на холм.

Два начал изобретать по склону вслед за троллями.

Крол, которая шла вперед Максвелла, споткнувшись и упала. Он помог ей подняться, но она встала в ногу и повернулась к нему, шипя гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы валаете Хароу лезть Сильвестру хорошего пинка! И выкалывае на меня клыками, чтобы засадушка выпрыгнула!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелла несложко секунду ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо по обрыву, как за ней.

С вершины холма домесался упорный вола, и Максвелла увидела, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск докатился к подножию холма. Крол, впрочем, он остановился, задрав голову, и увидел, что над вершинами деревьев два черных шара мечтает прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не изменили скорости. Столкнувшись, они нормались. Максвелла проводила взглядом катящихся в воздухе обломки. Через секунду они дождем обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще свалились растопченные крол и валам, и слышны колес, выкатывающиеся по ту сторону обрыва, что то, скрытое от его взгляда, тяжело ударило о землю.

Максвелла пошла дальше. Вокруг никого не было. О'уа не кончалась. Клевал он себе, тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на Землю. Максвелла уснехнулась. Столько лет он расклевывал дракона, и вот наконец дракон! Но только все произошло так, как всегда, потому что был заключен в Артефакт, или парашютист в Артефакт, или что там с ним случалось!

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже без интереса, потому что карабкался, а потому как издалека впервые появилось хрустальное планеты его оставало ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелла уже достиг подножия холма, когда вдруг услышала музыку. Это была тихая и приглушенную, что он усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это несомненно, была музыка.

Из-за гороскопа выступила краешек солнца, осветивший спол лучи озарила вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками своего. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелла стояла и слушала — музыка была, как звон серебряной волны, бегущей по скалястым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слыла от него на лужайке фей игра их оркестр. Оркестр фей! Это только, танцующие лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь он

представился саун! Максвелла свернула влево и начал беситься, пробираться лужайке.

— Пожалуйста! — шипела от пробы. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня беспокоить. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на это!

Он подкасал уже совсем близко. Он за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелла на четвереньках ползла вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот он углядел!

Оркестранты сидели рядком на бревне у опушки и играли, а утринные лучи солнца играли на их радужных крыльках и на сверкающих инструментах. На лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелла никак не ожидала увидеть в этом месте. Два чистые и протые адью, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Они шли друг к другу, двигаясь в такт музыке своим друг к другу, двигаясь в такт музыке фей, на лужайке танцевали Дун и Вильям Шекспир.

25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озарило его многоцветное тело. Дракон в долине, река Висконсин, сияла, как уже забытое летнее небо, струила свои воды между палящих лесными чащами. Со двора замка доносились звуки веселой музыки, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелла сидела на ушах в землю валуны и смотрел на дракона. Десять шаг от него видением возмущался ступенчатый утес, на вершине которого рос старик, искривленный ведр, искривленный ветрами, пронисивший по этой долине бесчетные годы. Его кора была серебристо-серой, чешуя — желтой и аутогенной, и аутогенной аромат доносился даже до того места, где сидела Максвелла.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

«Вот все и кончилось благополучно», — сказала он себе. — Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотечку, но зато вот там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он — была настоящей целью, соблазна и тролля, на время забыв являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— В этом нет ничего странного, — сказала ей Максвелла, как бы сожалея, да, двое из тех, которые еще остались. Большие грязные полотно, коммунисше в себе. И не боится, но этот человек — наш друг.

— Но третий не был моим другом, — сказала Максвелла, и все человечество тоже. Он прода нас колесником.

— И все-таки ты сидела с ним, когда остальные не захотели прийти.

— А ты, дракон, который садует отлавливает даже злейшему врагу.

— Значит, — сказала бышши, — ты способен точно понять. Колесник ведь был одним из нас, и Максвелла, если останется одним из нас. Артефакт уязвим, артефакт.

— Мне кажется, я понимаю, — сказала Максвелла. — Что я могу сделать для тебя?

— Я являлся только для того, чтобы сообщить тебе о том, что ты, дракон, вы называете хрустальной планеты, извещено обо всем, — сказала бышши.

— Им нужен дракон! — спросил Максвелла. — Тебе придется сообщить о нем координаты.

— Координаты будут сообщены в Трансферный центр. Вам надо будет отправиться туда — и тебе и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотечку. Но дракон останется на Земле, засев, и запоем, и запоем.

— Я не понимаю, — сказала Максвелла. — Им же нужен был дракон.

— Артефакт, — закончила бышши. — Чтобы osobodиться от него. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавила Максвелла. — Я согласен: это слишком долгий срок.

— Но как проделал путешествие? Каким водам, — сказала бышши. — Вы несете его прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думаем, что он пропал бесследно. Артефакт должен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы высшая бышши, пока его обогнали.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

— Обернется? Почему его нужно было утверждать?

— Потому что, — ответила бышши, — он последний в своем роде и окончил, дракон, как вы сказали. Он последний из... из... и я знаю, как это выпряться. — Все есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— А где, — сказала Крол. — Вот один из них сидит здесь с вами.

— Предметы забавы, — продолжала бышши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которых была бышши ступинками с самым, ней являл, шил октябрьский, да, грем оркестром кружками из стекла, которые рады торжественно саун! была вынесены на расстил артефакта, артефакта, сложившаяся в те далекие времена, когда тогда существова, как Человек, не было еще и в помине.

МОНОЛОГ О ЧЕМПИОНЕ

Аркадий ГАЛИНСКИЙ

Страгегия киевской команды «Динамо» в нынешнем чемпионате была похожа на тактику, которой команда придерживалась во всех матчах.

Это посылка, и справедливость ее я надеюсь в дальнейшем доказать.

Пока же хочу обратить внимание на то, что новый чемпион в течение длительного времени озадачивал своей игрой не только соперников, но и спортивных журналистов. Последние, во всяком случае, вплоть до сентября, комментировали его игру в весьма сдержанном тоне и обтекаемых выражениях. Даже футбольные репортеры Киева, которые в пору побед «Динамо» 1966—1968 годов составляли отчеты об игре своих земляков в духе гимнов, и те подстраивались, осторожничали.

И только в начале сентября, когда стало ясно, что ни московское «Динамо», ни «Арсарат» киевлянам не конкуренты, на страницы газет буквально хлынули потоки обзоров, авторы которых наперебой спешили заявить, что не только опознали нового чемпиона, но и способны даже назвать слабые моменты его успеха.

«Почему же другим оказался не под силу спор с киевлянами?» — спрашивала в те дни В. Понедельник. «В чем причина того, что киевское «Динамо» сумело так рано и так далеко уехать от остальных клубов?» — задавался тем же вопросом Д. Филатов. Большинство потрухало в чужие. И узнавал следующие: «Возможности инасных команд — сообщая Понедельник, — находятся в прямой зависимости от подготовленности игроков и громадным физическим нагрузкам, от их исполнительского мастерства, крепких нервов, «длинной снайперии» — резерва коллектива. Именно у киевского «Динамо» все это обдумилось в большей степени, чем у других. «Они вновь», уже не

первый раз, понимая пример серьезного отношения к своим обязанностям, не позволяют отличить себя на раскладистости, на небрежности», — отвечает Билатов, указывая, что «отсюда и все их достижения».

«Но, помню, кто же не знал, что колы скоро та или иная команда победит в трудном и долгом турнире, то она тем самым «показывает пример серьезного отношения к своим обязанностям» и в игре ее «обнаружаются в большой степени, чем у других», «однотипности и громадным физическим нагрузкам, исполнительские восторги, ирониче и т. д. и т. п. И в результате таким путем нельзя объяснить победы спортивной успех? Не будем, однако, чересчур строги и обзавестями, тем более что один из них подтвердил свои выводы рассказом об известном тренере, который, «недоуменно разводя руками», эту же ситуацию оценивал так: «Иногда странно, если перебрать наших и иностранных игроков, то вроде бы наши не хуже...»

По а чем же тогда дело? И неужто причины побед «Динамо» казались загадочными; даже тренеры? Да, именно так. Хотя и времени для специального исследования вопроса у тренеров-практиков, надо сказать, было гораздо меньше, чем у обозревателей. И, пожалуй, только ветеран футбольной журналистики М. Морозов пытался понять особенности игры киевского «Динамо» 1971 года впервые, выдвинув ее в середине лета предположение, что решающим фактором успеха этой команды является ее «обновленная и хорошо организованная защита». Что, кстати сказать, подобно ему чуть еще и потому, что, будучи спорщиком и пропагандистом так называемой «популярной защиты», он тем самым высоко оценил оборону, доминантой которой является персональная опека игроков.

Защита киевского «Динамо» по сравнению с 1970 годом действительно была неузнаваемой, и в сентябре в сборную СССР приглашали не двух игроков — молодого Матвиевко и тридцатилетнего Соскинжи, причем если Матвиевко в 1971 году уже побывал в сборной, то Соскинжи получил такое приглашение после многолетнего перерыва. Не подумайте, однако, что а фетишизацию выбор тренеров национальной команды. Откуда нет. Но если в 1967—1968 годах, когда киевляне были чемпионами СССР, из числа их защитников в сборную никого не брали, а в 1971 году пригласили сразу двоих, то кое о чем этот факт все же говорит. Или возмездие того же Соскинжи. В последние годы он сплавился главным образом неспортивным поведением, всплывшими грубости. А в этом году его толкая, спойманная, рассудительная игра буквально деконструировала всю линию обороны. Но ведь футболисту тридцать лет, он на излете карьеры? Каким же причина подобной метаморфозы? Способной, кстати сказать, продлить период активных выступлений самого Соскинжи?

В дальнейшем мы ответим и на эти вопросы, а пока зададимся другими. На дворе декабрь — пора лечения травм, бесумных переговоров «по праву «юрьва дня», тренеровской чехарды, а также обсуждения итогов чемпионата в спортивной прессе, глубокомысленных симпозиумов по проблемам судейства и торжества по поводу вручения наград призерам. Интересно, как будет отмечена спортивной прессой окончательная победа киевского «Динамо»? Столь же плавно, что и в 1966—1968 годах, или гораздо сильнее?

Задать эти вопросы неспроста. Ведь рядовые любители спорта вряд ли знают, что если зависит вовсе не от качества игры чемпиона. Решающую роль играют симпатии журналистского корпуса. Иногда и немаловажно как таковой, иногда и личности тренера. Наиболее помпезно обстоят в центральной спортивной прессе церемония по по-

воду чемпионства «Спартак». И не мудрено. Канто много лет назад выдвинул предположение, что одной из основных шлох. Затем разговор о маную команду болель. Однажды Руха и то ребят за полдня в полдень в ползу «Динамо», «Торпедо», ЦСКА, «Локомотив» и «Спартак» — Конст лед.

А ведь, помимо всего прочего, немалую роль играют тут и традиционные умения руководителей «Спартак» и «Динамо». Для журналистов «Спартакские» тренеры — футбольные герои команды (в Тарасово) открыты для абсолютной критики, а «Динамо» — не менее. Иной раз Старостин и близко стоющий и команде его руководителем — Владимир Гринин Мен и тренером В. Масловых — отсюда обилие статей, посвященных московскому «Торпедо», ростовскому СКА и киевскому «Динамо». В этих статьях к этим командам Масловых, обилие и активные группы «Спартакские» статьи. Небольшие, но Г. Качану и И. Беснову, которые, впрочем, охотно отвечают на самые заискусные вопросы). А вот в отношении киевского «Динамо» отвлеченно-сдержанные отношения и «апатиями», они, как правило, всецело были обращены внутрь дела.

Что касается журналистов футбола, то большинство из них, подобно ученикам той школы, о котором мы рассказывали, не сохраняет своего симпатии к командам. Иные даже подменяют его, формируя так называемую «линию» в отношении к определенным командам, которые в настоящее время являются чемпионами. Ибо достаточно только объявить о том, что команда является чемпионом, как тотчас можно увидеть шутливо-трогательные пальцы, вышедшие в виде лица обманчиво милых лица.

У тренера киевского «Динамо» А. Севидова симпатизирующих ему персонально футбольных журналистов в центре его внимания. Конечно, будет команда выигрывать чемпионаты, но это дело не станет? В самом же Киеве дело журналистского недоверия, кажется, окончательно уже наступило, и можно не сомневаться, что торжество вручения динамовцам золотых медалей будет отражено в местной спортивной прессе, как принято сейчас говорить по любому поводу, на самом высоком уровне. Однако в принципе тактика оппозиции Севидова в отношении прессы, кажется, сходна с той, которой придерживались Арабадзе и Яхунин. Ведь и они полагали, что матчи выигрывают футболисты, а не комментаторы, репортеры, журналисты, продюсеры и кинооператоры и что лучшие тренеры — не всегда те, чьи портреты и высказывания публикуются наиболее часто.

И добиваясь, как в интересах ли Севидова откровенно рассказывать, каким образом он, приняв киевскую команду на седьмом месте и в довольно тяжелом положении, за один сезон «проявил» ее в чемпионы, в чем видится его основная тактика оппозиции Севидова к спортивной прессе — то ли глубокие, сокровенные, то ли погрешности, тактические характера, не подлежащие разглашению в течение сезона-два. Что же, это дело.

Киевское «Динамо» стало чемпионом страны в своей истории пятый раз. Ровно десять лет назад оно выиграло это звание впервые, и я помню, как сокрушился О. Ошенков, который во многом подготовил этот успех, решительно преобразовав команду в 1959 году. Он начал даже пожинать плоды перестройки, но тут как раз и был заменен В. Соловьевым. Для того, чтобы вспомнить об этом? Чтобы напомнить, будто фактически тренер — победитель 1961 года не Соловьев, а Ошенков? Нет. И это было бы по отношению к Соловьеву тройное несправедливо. Ведь то, что он дал киевскому «Динамо», он отдаст и до сих пор. Соловьев к тому же сделал эту команду впервые в ее истории собственно киевской, позволившим на большую группу молодых местных игроков (Побаловского, Канавского, Трояновского, Вибу, Василенца, Соскинжи, Левченко и др.), но Маслов впоследствии эту линию категорически пререк. Однако того, к чему команда уже привыкла — заложившей Соловьевым системы атлетического тренинга, система поддерживавшая в игроках хорошую форму, — Маслов трогать не стал. Тем более что помнил о своем печальном опыте 1962 года, когда он, приехав в ростовский СКА, с места в карьер, даже не поинтересовавшись методами работы своего предшественника П. Перевалова, вдвое увеличил нагрузки в соответствии с тем, что полученным новым учебно-методическим планом. Офендрция и в результате до такой степени перетренировал игроков, что впоследствии из этой причине кое от кого из них вынужден был вообще отстраняться.

Вот Севидов не пренебрег тем, что сохранилось от системы Соловьева. Но если бы дело было в атлетической подготовке игроков «Динамо», она была год перед новым тренером «Динамо» предстала такая картина: широко известные, техничные, физически крепкие и вместе с тем внутренне сдержанные, лашине дужо и разоблаченные (в командном смысле этого слова) игроки. В 1964

САМЫЙ ТРАГИЧНЫЙ ЭПИЗОД СЕЗОНА.

За 20 секунд до конца финального матча на Кубок СССР.

Фото Ю. БОРОДИНА

ВАРИКА

Феликс КРИВИН

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

Амме печаль птицы обычно осенью не поют, а Заринка поет и осенью. Потому что каждый день наступает зима, дамы дамы, а завтра день наступит зря, хотя уме не такой зря, как была весной.

И песни у Заринки уме не та. Не такие зимние песни. Но дело ведь не в голосе, а в том, что хочется петь. Даже осенью.

Сквешно. Когда вспоминаешь, как это было весной, становится сквешно от того, как все это было. Заринка, скажем юная, вышла из своего гнезда, и все ей было в лесу интересно. Она прыгала между деревьях и глазами по сторонам — и на веревках глазами и на охотника. Медеях огромный, зубастый, охотник с ружьем, а она — ничего, глазек. Ей только дай погулять.

Потом подросла, стала глазами осторожней. Так, чтобы близко не подпускать. Сейчас сквешно вспомнить — даме своих не подпускала. Весом от ворот поворот. Мабы не образумилась, так бы и одиночество и прощала все. Но она образумилась. Сейчас об этом можно только петь. Сейчас уже осень. Но дело не в осени, а в том, что хочется петь. И даме не в том, что хочется петь.

Есть четыре времени дни — так же, как четыре времени года. И осенью каждый день бывает для нее веселье, потому что можно погулять, нужно встать на зрели, а тогда застанешь свою весну среди своей настоящей осени.

Весна эта не такая, как настоящая весна, выглядит она, что и говорить, скисловато. Грудино все же среди сползшей осени быть весну.

Ее не каждый узнает. Вон и птицы молчат, не замечают зарпенье весны. Недаром осенняя весна — короткого осеннего утра. Молчат птицы...

Нет. Слышат! Это поет Заринка. Птица зря.

Ее не обманешь. Она довольно обманывалась — и тогда, когда, прыгала за чумным, и тогда, когда близко не подпускала своим. Но перь ее не обманешь. Она чует свою весну, даме если эта весна оказалась среди осени.

И она поет, ободрая весну; держись, весна, это ничего, что ты родилась среди осени, это так прекрасна среди осени, сейчас.

КАГДА ЗВЕРИ УЛЫБАЮТСЯ

Звери тоже улыбаются, хотя попустому и она они и не улыбаются.

Почему же они улыбаются?

Зачем улыбаются, чтобы показать противнику зубы.

Вон улыбаются, чтобы показать зубы, и кролик улыбаются, чтобы показать зубы.

У волка зубы большие, ему есть что показывать, но не станем же волка показывать зубы кролику! Потому волк улыбаются редко, только тем, у кого зубы не меньше, чем у него.

А у кролика зубы маленькие, и ему придется чуть ли не каждому улыбаться.

ВАТОВАТО СКОЛЬЗИТЬ ПО ПОВЕРХНОСТИ

Водомерка совсем не умеет плавать, хотя плавает по поверхности воды. Собственно, может она не в воде, а на воде, на самой поверхности. И Водомерка скользит по этой поверхности, меряя воду не глазами, а ширью и умардятся не заметит ног и не замутит водной гладью. Потому что если замочить жук — беда. А что не было беды, гладь всегда скользит по поверхности.

Впрочем, и по поверхности можно скользить по-разному: ведь поверхность не имеет дна. И потому.

Водный жук бегает по водной поверхности своим животом по поверхности. Это очень удивительно и пол по ногам, и одновременно и по ногам и головой. И даме не замочит, конечно, если на воде не высветаться. Главное не высветаться, а скользить — не высветаться...

Водный жук бегает по водной поверхности своим животом по поверхности. Это очень удивительно и пол по ногам, и одновременно и по ногам и головой. И даме не замочит, конечно, если на воде не высветаться. Главное не высветаться, а скользить — не высветаться...

Вот два метода скольжения по поверхности, которыми пользуются водомерки и водные жуки.

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ЛЮБИТЕ ЖАБУ?

Узнали Жабу нельзя полюбят? Разве она делает нам что-нибудь?

Конечно, если судить по внешности.

Но ведь по внешности можно и не судить. Можно любить не только за внешность, есть ведь и другие хорошие качества. У и Жабы они тоже есть. А то, что у нее ноги коротковаты и настоящей прыгучести нет, так Жаба ведь не боится, что ее любят за прыгучесть.

Конечно. Жаба неулюбка и черти

у нее не из тех, которыми принято любоваться. Она и сама это понимает и повисает по ночам: до того она стесняется своей внешности. Была бы у нее другая внешность, — ого, как бы она позаралась на солнышке гад-мудуш, на берегу речки и в урессе на виду, да у всех на виду!

А так она ото всех прячется и в темноте делает свои добрые дела. И о ней не говорят, что она боится солнца и даме нет, она не бонит.

Просто тогда светит солнце, а тогда можно увидеть свое отражение. А когда темно, там от отражения...

Вот поэтому Жаба старается...

Но поплазыть на глаза, и может быть, от этой — право — застенчивости — застенчивости Жаба так миролюбива и так ценит доброту окружающих. Это называется чувством неполноценности, но ведь это как раз настоящая полноценность — добрый характер, способный на добрые дела.

Так почему мы не любиме ее за характер?

Безмерно, если ее полюбите, пусть даже за характер. Жаба перестанет бороться за себя, и тогда все увидит, как она. Конечно, не красавица, и ноги коротковаты, но в обществе, хороших друзей очень приятно, и кто-то ее все увидит. Стоит только ее полюбите.

НА ПУТИ КОКЕАНУ

Зленивая рыбка Анабас живет далеко от моря, она живет — даме тычино — а болоте. И рыбка Анабас все мечтает перебраться в море, или хотя бы в Атлант. Это, рыбка Анабас знает, куда ей лучше всего перебраться. Она каждую минуту знает ее океаны, какие только есть на земле. И она твердо решила, пусть только придет время, она обязательно переберется в море.

И время приходит, болото ее начинает высыхать, и теперь по нему не то что в океан, а вообще никуда не поплывешь — до того сухо становится в это болото. Но ведь рыбка Анабас решила, а это такая рыбка, что если она решила...

И рыбка Анабас ползет. Прямо по суше, но это ничего, что по суше, — ведь ползает она в океан. Она переступает своими плавниками, как сады запятой пашекой, и свободно обходится без воды, как верблюд в пустыне. Целую неделю она обходится без воды...

Ну, если неделя ползти, то обязательно попадет какому-нибудь болоту. И это хорошо, потому что можно остановиться. Устроится, отдохнет...

Рыбка Анабас устроилась в болоте привали. Конечно, — там, где омутились, оселись сел даме ползти. И споему океану. Тычино мая в крайнем случае Атлантскому. И на привале она думает, как она поплывет к океану, если приедет, сколько до него осталось ползти.

Что за чудесная вещь — привал в болоте и прокладка на самом глубоком. Освежился, набирался сил, чтобы ползти в океан. Вот высветает это болото — и можно ползти в океан. Пусть оно только высохнет, и тогда можно дальше ползти. В океан. Ведь, наверно, можно в океане приползти океану, если так ползти — от болота и болоту!

ЖИЗНЬ КОМАРЫ

Омар Пискуна принято считать крошечным, но считать крошечным можно и того, кому неизвестна его семейная жизнь.

Жизнь нашего Пискуна колоссально, родился с танком же, как он, Пискуна. Собрался по комарам, пописавшая между собой — без намерения там сберечь проблемы, но и без глупостей. Молодежь — известное дело, ей только дай попищать.

Так и родился он, не зная забот, пока не случилось это несчастие. Наверно, залетная комарка умилила омарка Пискуна, оторвала его от друзей, от привычного общества. Он влюбился, это любовь с первого взгляда, но такая это любовь — один взгляд. И нет омарка Пискуна. Тут уж ни прокормить, ни с товарищами попищать. Стоя, стоя, — что же делать (не строить)?

И вот это все вопрос. Видно, не зря называют их крошечными. Кто вообще-то, как утверждает наука, комары не пьют. Конечно, выпить они могут, да и как не выпить, если выжились воле воды, но чтобы пить кровь — нет. Комары не пьют, настоящие чоррососы, вот кто комаров не щадит.

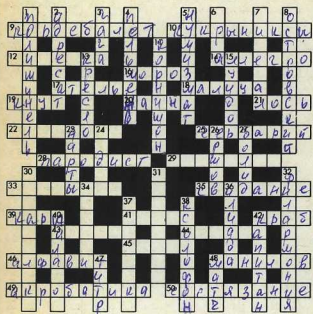
Так утверждает наука, но я народом считал, что комары пьют. Конечно, если ты выжишь с крошечным, если ты выжишь с крошечным, — значит, ты как крошечный с крошечным. Ты же даме даме ты в смысле кроен непиший.

КРОССВОРД

Составил Ф. ЕЛЬНИКОВ, г. Москва

По горизонтали:

9. Состав артистов, исполняющих группные танцы.
10. Псевдонимия трех народных художников СССР.
12. Разнообразие гармонии.
14. Ошибливый театр в мюзикле.
16. Зима года, холод.
17. Мастерская живописца, фотографа. Ив. Осенда.
18. Вино, плетя.
20. Персонаж оперы А. Глинки «Руслан и Людмила».
21. Животное семейства оленей.
22. Притон Викссисипи.
25. Коллекция засушенных растений.
28. Автор сатирических подражаний.
29. Порода ирландов.
33. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Кармен».
35. Условленная встреча.
39. Разновидность сазана.
41. Песко-минерализация в составлении двух аймагов.
42. Морской дух.
43. Тропический циклон.
44. Город в Таджикистане.
45. Притон Туры.
46. Азбука.
48. Персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.
49. Вид циркового искусства.
50. Спортивное соревнование.

По вертикали:

1. Комический персонаж французского народного театра.
2. Полуцатель, поговорки морепловцев.
3. Полярный уток.
4. Вид варезантский монжевельяни.
7. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина.
8. Невполютор, автор песни «Стуенческая застойная».
11. Единственный огулский монета.
13. Стул с подлокотниками.
15. Странная французская монета.
23. Сани народов Севера.
24. Имар песни альпийских горцев.
26. Автор сказки в стихах «Косен-горбушка».
27. Крупный медведь.
30. Промысловая рыба Черного и Азовского морей.
31. Провия, соединяющий Балтийское и Северное моря.
32. Концертная организация.
34. Вышатажная декоративная утка из урарава Средней Азии.
36. Древнегреческая эллинская пловца.
37. Притон Енисея.
38. Ударный музыкальный инструмент.
40. Баспийско-черноморская сельдь.
42. Руководитель спортивной команды.
47. Надпись в фильме.
48. Спортивная встреча, игра.

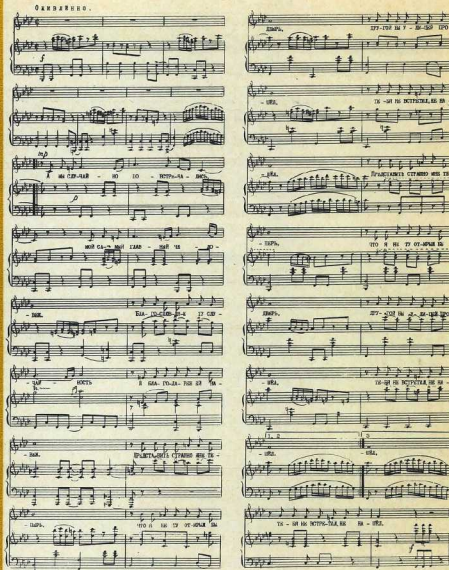
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 23

По горизонтали:

4. Вагнерийи. 5. Аккумулятор.
8. Трансформатор.
13. Ченалди.
16. Янвонд.
17. Салмаул.
18. Склоноид.
19. Нипренсий.
21. Поушур.
22. Горнист.
25. Спелси.
26. «Гидроцентральный».
27. Герасимов.
28. Пассажир.

По вертикали:

1. Ташкент.
2. Вилатонист.
3. Мачиган.
4. Вризанпоиский.
7. Коллеметалей.
9. Тарасий.
10. Мандолина.
11. Коростель.
12. Гостиница.
14. Рыболов.
15. Дулианка.
20. Дувазийский.
24. «Арсеиаль».
25. Притонд.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Слова Евгения ДОЛМАТОВСКОГО

Музыка Алексея ЭКИМЯНА

А мы случайно постречались,
Мой самый главный человек,
Благословлю ту случайность
И благодарен ей навеи.

Всегда встречаюсь случайно,
На ранних, грешнии и святой.
Привее.

Привее:

Представить страшно мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Другой бы уллицей прошел,
Тебя не встрети, не нашел.

Любовь и нежность залуца,
Храни тревогу про зяле,
Чтоб никогда уже случайность
Не различила в жизни нас.

Привее:

Представить страшно мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Другой бы уллицей прошел,
Тебя не встрети, не нашел.

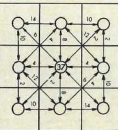
И это, кажется, не тайна,
Что люди с болью и мечтой

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНЫ» № 23

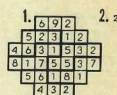
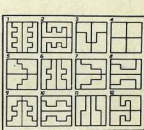
1.

От числа 37, помещенного в середине квадрата, который разделен на 9 клеток, поставить в каждую из этих клеток число, равное сумме чисел в стрелках, указанным на стрелках. Число в каждой из клеток должно повториться. Сумма чисел в мружках по горизонтали, по вертикали и по диагонали должна быть одинакова и равна 111.

2.

Среди двенадцати фигур, изображенных на рисунке, две отличаются от остальных десяти. Найдите эти фигуры и установите, по какому признаку можно их отличить от других.

На карнавале, под сенью ночи...

Кариковавал Слез Теслер

